Маргарита Южина
Бюро гадких услуг
ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ЭКСМО

Маргарита Южина

Бюро гадких услуг

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161169
Южина М. Бюро гадких услуг: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-06123-1

Аннотация

Вот ведь каким обманчивым может быть внешний вид – незнакомым людям Люся и Василиса, подружки-веселушки, дамы преклонного возраста, но непреклонных характеров, кажутся смешными и даже глуповатыми. А между тем на их счету уже не одно раскрытое преступление. Во всяком случае, они так считают и называют себя матерыми сыщицами. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Василиса здорово «лоханулась» – одна хитрая особа выманила у нее кучу денег. Рыдать эта непреклонная женщина не стала, а вместе с подругой начала свое расследование – мошенницу-то надо найти, деньги вернуть и прекратить преступный промысел. Только тернист и опасен путь отважных сыщиц. И усеян... трупами!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 22
Глава 3 34
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Маргарита ЮЖИНА
БЮРО ГАДКИХ УСЛУГ

Глава 1
РЕМЕНЬ НА ШЕЮ

Василиса Олеговна, дама незаурядных творческих способностей, квасилась в затхлом киоске со звучным названием «Жемчужина современной моды,, и просто изнывала от безделья. „Жемчужина“ выглядела весьма затрапезно – старенький, облезлый павильончик, с пыльными окнами и покосившейся вывеской. За современной модой в эту убогую лачугу народ почему-то не ломился, и единственная сегодняшняя посетительница, которая совершенно случайно сюда ворвалась, спутала Василису с облупившимся манекеном. Естественно, пришлось обидеться – наговорить ей гадостей, и настроение погибло. Киоск стоял на территории рынка, мимо окон мерно двигалась гудящая толпа, но в «Жемчужину“ заходить редко кто отваживался. Василиса Олеговна в тысячный раз казнила себя за то, что согласилась помочь Анне, своей соседке, – поработать за нее, пока та навестит больную мать, но отступать было некуда – Аннушка уехала на неделю в деревню. Вот и приходилось теперь заманивать посетителей, приседать перед капризными дамами, которые все равно ничего покупать не собирались, а по вечерам выслушивать выводы вздорной хозяйки о лени и нетрудолюбии нового продавца.

– Ой! Какая чудная барахляночка! – вскричала, влетая в помещение, вторая за день посетительница. – Скажите, а это отечественная комиссионка или вы работаете с зарубежными секонд-хендами?

– Да что вы такое говорите?! – ожила Василиса. – Это же эксклюзивный индпошив для индпоноса! Это же, извиняюсь за выражение, самая распоследняя мода!

– Да, да! Вот такой халатик я всю жизнь мечтала прикупить, – кинулась дамочка к изделию с названием «Костюм оленевода прорезиненный на пингвиньем меху». – Скажите, а что, там действительно пингвиний мех?

– Дамочка, модель полностью соответствует ярлыку, у нас и сертификаты есть, хозяйка каждый вечер их саморучно пишет, так что не сомневайтесь, – важно поджала губы Василиса Олеговна. – Если будете брать, я могу примерить на себя, посмотрите, как на фигуре сидит.

Приятная посетительница замахала руками:

– Да ну что вы! Я и так вижу, что вещь уникальная, а вы как продавец меня просто сразили. Я человек внимательный, сразу чувствую истинного специалиста, вы так творчески походите к своему делу! – заискрилась неизвестная дама серебристым воротником куртки.

Василиса Олеговна зарделась и незаметно подтолкнула локтем к посетительнице книжечку отзывов. А та продолжала щебетать:

– У меня к вам есть предложение. Конечно, я могла бы предложить любому, но уступаю исключительно вам! – широко улыбнулась женщина и вытряхнула из пакета на стол три коричневых негнущихся ремня. – Вот, берите!

– Это… я не совсем поняла… мне подарок, что ли? – вытаращилась на них Василиса.

– Я бы сказала – да! Именно подарок! – торжественно возвестила посетительница и, увидев вытаращенные глаза Василисы, изумилась: – Вы что, не узнали? Это же те самые знаменитые ремни из шкуры баренцевой медузы!

– Что вы говорите?! – проявила осведомленность Василиса Олеговна и радостно блеснула глазами. Не признаваться же этой замечательной женщине, что ни про какие ремни она и слыхом не слыхивала.

– Да! Вы же знаете, на теле человека они излучают радиоволны, которые отпугивают тигров! – поправила посетительница прическу.

– Ну просто необходимая вещь в наших-то условиях!

– Вот и я про то же! Я вам предлагаю продать их всего по двести рублей. Нет-нет, не пугайтесь, я не какая-то там шарлатанка, я не буду просить у вас деньги за них немедленно! Просто выложите ремни на витрину, пусть лежат спокойно, а я к вечеру зайду – если пойдет торговля, замечательно, у меня еще есть, а нет, так и заберу их, вы нисколько не пострадаете. – Тряхнула приятная дамочка темными волнами блестящих волос.

Василиса какое-то время сомневалась, стоит ли выполнять ее просьбу, но, после того как посетительница заметила книгу отзывов и нацарапала пару строчек о ее, Василисиной, славной работе, согласилась. Да и черт с ними, пускай лежат.

Через час после визита душевной женщины в магазинчик заглянул видный молодой человек с рассеянным взглядом. Уныло отвесив нижнюю губу и презрительно обозрев весь ассортимент, он вдруг переменился в одно мгновение – в углу витрины заметил ремни.

– Же… женщина! Скажите, это что – те самые ремни?! – указывал он на них трясущимся пальцем.

– Какие ремни? Ах, эти… А что значит – те самые? Обыкновенные ремни из баренцевой медузы, – пожала плечами Василиса. Ей-богу, точно таких же ремней на рынке – хоть удавись, и стоят они по сорок рублей в красный день календаря.

– Вот именно, из медузы! Женщина, сколько они стоят? Я покупаю все оптом.

– Какой же опт, их всего три. А стоят… по двести пятьдесят они стоят, – бухнула Василиса и сама испугалась такой своей наглости.

Парень же несказанно удивился, принялся хлопать себя по бокам и искать бумажник.

– Да вы знаете, они в Новосибирске по две тысячи идут, так что я их у вас даже по триста возьму, и не спорьте! А больше нет? Ах какая жалость! Я бы сотни две взял таких ремешков – это же чистые деньги. Нет, у вас правда больше нет? А может, поговорите с поставщиком? Ну хоть сколько-нибудь еще чтоб принес, а?

Василиса пожала плечами:

– Ну хорошо, зайдите вечером.

– Вот спасибо! Я вам и задаток пятьдесят рублей оставлю. Только вы уж, пожалуйста…

Парень выложил на прилавок деньги, взял покупку и убежал. Василиса еще не успела оправиться от шока и как следует пересчитать выручку, а в дверь уже вломилась тучная тетка и прямиком направилась к витрине.

– А где эти… ремни из медузы? – враждебно спросила она опешившую Василису.

– Так нет уже, продали…

– То есть как продали?! Я их по всему городу ищу, а тут парень сказал, что у вас прикупил. Ничего не знаю – подавайте товар!

– Зайдите вечером, – промямлила Василиса Олеговна.

– Зайду, непременно зайду! А вы мне штук сто оставьте, не буду же я каждый день в ваш город мотаться!

Удача поперла! Вот только что Василиса, ничего не делая, заработала триста пятьдесят рублей, и деньги прямо-таки рвались к ней в кошелек. А они, деньги-то, сейчас были нужны. Вообще они никому не мешают, но в них иногда случается острая нужда. Как сейчас у Василисы Олеговны.

Василиса Олеговна Курицына, женщина третьей молодости, нет, пожалуй, второй… в общем, неполных шестидесяти шести лет, жила с подругой того же возраста в своей двух-

комнатной квартире. Люсины апартаменты в центре города они сдавали и жили бы безбедно, если бы не застарелая привычка помогать детям да решение откладывать копеечку на собственное авто. Машину хотелось с такой силой, что подруги с удовольствием отказывали себе во всем, чтобы только поскорее приблизиться к заветным колесам. Правда, случались срывы, и тогда подруги сорили деньгами вкривь и вкось, но потом снова облачались в прежнюю одежонку, стыдливо прятали глаза и принимались с удвоенным рвением копить на машину.

Но именно сейчас произошло непредвиденное, и положенный на месяц денежный лимит уже был потрачен. Дело в том, что сын Василисы Олеговны, Паша, единственный кормилец своей немалой семьи, повредил ногу, и ему срочно потребовалось обследование. Василиса и Люся настояли, чтобы обследовался Паша в платной клинике, так как по собственному опыту знали, что бесплатное лечение проходит длительно и с большим риском для здоровья, а рисковать им, естественно, не хотелось. Теперь сын Василисы Олеговны уже находился дома, ему требовался уход и качественные продукты. Здоровенный мужик краснел и смущался, когда мать с подругой приносили полные сумки, но ему надо было хорошо питаться, чтобы конечность быстрее приходила в годность. Одним словом, как-то совсем быстро растаяли почти все накопленные сбережения подруг на дорогих светил медицины, на лекарства, на… Да, в общем, растаяли, и все! Поэтому Василиса нежданному доходу была искренне рада.

– Ну как? – залетела хозяйка ремней в киоск чуть раньше обещанного. – Не залежались мои ремешки?

– Ой, ну что вы! – обрадовалась ей Василиса. – Знаете, просто нашествие какое-то! Я и не думала, что они в таком почете. А вы еще не привезли?

– Ой, я прямо не знаю… – поникла женщина. – Понимаете, срочно еду за товаром… Нет, ремни-то у меня есть, только я теперь не могу их вам без денег дать, сами понимаете, уезжаю. Так что с ремнями придется сделку отложить…

Деньги, которые, казалось, сами шли в руки, уплывали, и Василиса вцепилась в приятную дамочку мертвой хваткой.

– Да вы что! Ко мне же покупатели вечером придут! Один даже залог оставил. Надо что-то придумать.

– Ну, у меня завалялась еще сотня таких ремешков, если хотите – покупайте, отдам по двести. А так, на реализацию, больше, простите, не могу, когда я еще в ваш город приеду. У меня эти ремни где угодно с руками оторвут. Да и цену на них поднимать надо.

– Давайте! Давайте сколько есть. Сто штук, вы говорите? – Василиса посчитала выручку. Нужно было двадцать тысяч, а в кассе оказалось всего девятнадцать. Пришлось вложить свои, которые отложила на покупку лекарств сыну. – Вот, давайте ваши ремни!

Женщина принесла целую охапку дефицита и, пересчитав деньги, спешно удалилась. Василиса сияла. Сегодня она принесет в дом солидный куш! Можно будет даже купить Люсе новые сапожки, а то вон на дворе уже сентябрь, а у подруги только босоножки. Нет, есть еще кроссовки, но у них совсем расползлась подошва, и палец все время нескромно торчит наружу. А можно купить… Василиса до самого вечера придумывала, куда можно потратить вожделенные деньги, а стрелки часов уже подползали к восьми. Никто не приходил. Ни парень, не пыхтящая тетка не появлялись. Зато появилась хозяйка «Жемчужины».

– Ну, сколько сегодня наторговала?

Василиса показала пустую кассу и с горящими глазами указала на гору ремней, которые валялись за шторкой.

– Это что? – как-то пискляво спросила грозная хозяйка.

И инициативная продавщица похвасталась удачной сделкой. Однако, вместо того чтобы кинуться на тощую шею Василисы от счастья, хозяйка схватила ремень и даже раза два прошлась по копчику предприимчивой работницы.

– Что вы делаете?! Нельзя же от радости сходить с ума до такой степени! Мама! Вы мне прическу помнете!

– Ты! Меня! По миру! Забирай свои ремни, и чтобы через неделю у меня на столе лежали двадцать тысяч!! – визжала поросенком хозяйка. – А твой паспорт я себе оставлю! И учти – не принесешь, Аньку твою со света сживу!

Василиса, обиженно надувая щеки, собрала товар и потащилась домой. Она так и не поняла, с чего вдруг озверела хозяйка, – такое замечательное дело было почти обстряпано, где теперь ей найти тех покупателей?

Люся билась на кухне, точно воробей в клетке. Она ничего не успевала. Василиса вот-вот должна была вернуться с работы, а ужин еще в зачаточном состоянии. Весь день Людмила Ефимовна провела дома и ведь не отдыхала, а в квартире будто черти плясали, на столе из приготовленных к вечерней трапезе блюд стояла одна солонка. А все потому, что утром нежданно-негаданно заявилась великолепно одетая дама, таща на поводке смешного кудрявого щенка.

– Вы, насколько я понимаю, мать Ольги Викторовны Петуховой? – ласково улыбнулась она.

У Людмилы Ефимовны на самом деле была дочь, и звали ее именно так – Ольга Викторовна Петухова. Она ярый собаковод, только уже два месяца как уехала в Москву на какие-то там курсы и возвращаться в ближайшее время не собиралась.

– Да, у меня есть дочь. А что вы хотели? – наконец сообразила спросить Люся.

Женщина втиснулась в маленькую прихожую и, затащив щенка, принялась его яростно нацеловывать.

– Мой сюсик, масик мой пусенький, тютечка моя расотупечка… – приговаривала она между поцелуями.

– Вы с переводчиком или на русский перейдете? Вы вообще со мной общаться будете? – не выдержала Люся.

– Господи! Ну что тут не понятного? – оторвалась дама от щенка. – Я купила малыша у вашей дочери, люблю его безмерно, но вышло так, что меня срочно направляют в командировку. Не могу же я эту крошку тащить двенадцать часов на самолете, а потом еще столько же на автобусе! Малютка просто не вынесет переезда. Да и мне там совершенно некогда будет им заниматься. Поэтому мальчика я пока оставляю вам, а потом приеду и заберу. Естественно, я оставлю деньги на его содержание, малыш ни в чем не должен знать отказа.

Люся была повержена. У Ольги и правда жили красавцы – черные терьеры Арс и Карл. Бывало даже, что Ольга оставляла матери псов на ночь, но сама Люся совсем не знала, как ухаживать за щенками. Да и потом, у них же тут кот Финли, особа весьма самолюбивая. И совсем неизвестно, как Василиса, хозяйка квартиры, отнесется к новому квартиранту.

– Вы знаете, я, пожалуй, не готова взять собачку…

– Не забивайте себе голову, все решено. От командировки я отказаться не могу, поэтому Арчифилд будет жить у вас. Ему три месяца, если кто спросит, то он черный терьер, вот деньги. Когда приеду, чтобы ни один волосок с его хвоста не пропал, – высказалась дама и величаво исчезла, не дав Людмиле Ефимовне опомниться.

Полдня Людмила пыталась примирить кота с маленьким терьерчиком, еще полдня ушло на телефонные звонки – надо было выяснить, чем кормят трехмесячных щенков, а оставшееся время ушло на беготню по магазинам. И вот теперь должна была прийти с работы Василиса, а дома – сплошные сюрпризы.

Василиса появилась, когда за окном уже стемнело.

– Васенька! – кинулась навстречу подруге Люся, как будто та прилетела с Дальнего Севера. – Вася, ты посмотри, кто у нас есть!

Василиса не успела сделать и шагу, как ей под ноги кинулось что-то черное и лохматое.

– Ай! Люся, это твой новый парик?! – взвизгнула она.

– Ну что ты, это… понимаешь ли, собачка. Вася, держи себя в руках, она поживет у нас только месяц… За нее уже заплатили.

Василиса намертво сцепила зубы, и только глаза все больше и больше выходили из орбит. Осторожно, будто по битому стеклу, она прошла в комнату, волоча за собой здоровенную клетчатую сумку.

– Вася, иди руки мой, сейчас ужин будем готовить, – лебезила Люся, боясь поднять на подругу глаза. – Да брось ты эту сумку, что ты в нее вцепилась?

– Люся, там…. там наше состояние, – еле слышно произнесла Василиса.

Людмила Ефимовна быстренько открыла замок и разочарованно протянула:

– У-у-у, зачем нам такое состояние? У нас столько штанов не наберется. Ты для чего приперла эти ремни?

Василиса поглубже вздохнула и подробно рассказала Людмиле всю сегодняшнюю историю.

– Ведь ты пойми, мы же столько денег сможем заработать! – убеждала она Люсю с пылающим взором.

Люся энтузиазма подруги не разделяла. Мало того, она медленно начинала багроветь. А потом и вовсе разразилась криком:

– Вася, ты глупая женщина! Тебя надули, как первоклассницу! Ну ведь надо же смотреть телепередачи! Хоть изредка! Сейчас появилась замечательная рубрика «Не пора ли к психиатру».

– Я такую не видела.

– Напрасно. А еще раньше была передача про криминал, где четко говорилось, как неглупые обманщики наживаются на глупых продавцах. И конкретно расписывали твой случай, Вася!

Василиса пыталась «сохранить лицо», как говорят японцы, но внутри нее все задрожало – неужели ее и правда обманули?

– Васенька, это же проще простого – приходит торговка с дешевым, бросовым товаром и сдает тебе его на реализацию. Ты берешь, потому что ничего не теряешь, а при удаче еще и кое-что имеешь. Торговка уходит, и следом являются один или два «покупателя», которые просто из рук у тебя выхватывают эту дрянь оптом. Они просят еще, а у тебя больше нет. «Покупатели» обещают заплатить за товар бешеные деньги, дают залог, и ты договариваешься, что продашь товар позже. Потом, естественно, торговка возвращается, и ты покупаешь у нее эту дешевку в огромном количестве, собираясь выгодно продать ее своим покупателям. Но торговка больше не может давать товар на реализацию – она уезжает. И ты его выкупаешь. Иными словами, ты покупаешь копеечный, никому не нужный хлам за большие деньги и в большом количестве. Будь уверена – ни торговку, ни покупателей ты больше не увидишь.

Василиса сидела серая, точно больничная простынь.

– Ты хочешь сказать, что меня обманули?

– Ну наконец-то дошло, – горестно вздохнула Люся и… отпрыгнула.

Потому что с ревом взбешенного быка Василиса кинулась к сумке, выхватила один ремень и кинулась прилаживать его себе на шею. От волнения у нее плохо получалось, и добрая Люся пришла на помощь.

– Давай-ка помогу. Ты на шее его носить собралась?

– Ты… Ты что не видишь, я вешаюсь! Еще подруга называется…

– Так я и помогаю по-дружески! – взревела неожиданно подруга. – Гляди-ка, вешаться она собралась! Тоже мне, груша нашлась! Нет чтобы найти обманщицу да наказать ее, как следует, она тут петельки вяжет!

Люся орала. Это было не к добру. Василиса уже давно заметила: если Люся орет, как заплутавший турист, ее вопли обязательно к крупным неприятностям. И Люсе триста раз говорила, чтобы она сдерживалась, а вот поди ж ты… Василиса сняла ремень с шеи и плюхнулась в кресло.

– Все, Люся, пошли ужинать.

– Пошли, – уже спокойно согласилась та. – Только у нас ужина еще нет. Я ж тебе говорила, что с собачкой провозилась. Ты ж понимаешь…

– А выпить у нас ничего нет?

– Есть. Вот выпить – есть! – радостно подскочила Люся и через минуту притащила целый стакан корвалола. Глубокой ночью подруги, поужинав на скорую руку и немного успокоившись, приняли нелегкое решение – шарлатанку отыскать, деньги вернуть, а пока сбагрить куда-нибудь ременную кучу. Только времени у них на это всего ничего – одна неделя. В противном же случае достанется Ане от ее хозяйки. Кто знает, на что она способна.

Переживания настолько измотали двух женщин, что наутро они до двенадцати не могли разомкнуть глаз. Правда, до их ушей доносилось какое-то слабое поскуливание, но не просыпаться же из-за этого! Однако, как позже выяснилось, легче было все-таки проснуться, потому что теперь пол в двух комнатах был разделен на сушу и водное пространство. Причем суши было меньше, как и полагается по географии. Василиса, едва спустив ноги с постели, сразу же вспомнила: в доме маленький щенок. Она кое-как вытерла ногу, напялила тапки и через полчаса уже маячила в соседнем сквере, выгуливая курчавое создание. Люся же в это время усиленно работала тряпкой. И обе старательно пытались придумать, как в огромном городе найти подлую обманщицу, не зная ни ее имени, ни фамилии, ни адреса.

Здравая мысль мелькнула у маленькой, тщедушной Люси.

– Вася! Я знаю, как ее искать! – оповестила она подругу, едва та перешагнула порог дома.

В прихожей стояло ведро с тряпкой, везде виднелись мыльные лужи – уборка была еще весьма далека от завершения. Василиса мотала щенка по улице довольно долго, и, казалось бы, Людмила вполне могла успеть за это время вымыть все квартиры на площадке. Однако, надо полагать, одновременно думать и работать руками она не умела, а посему и Василиса, закатав рукава, принялась заканчивать мытье полов. А заодно и выслушивать светлые мысли подруги.

– Мы о твоей сказочной фее ничего не знаем, так? – торопливо высказывала их та. – Но у нас есть целая куча ремней. Вот и надо найти, где эта дамочка ремни покупала.

Василиса разогнулась, закончив уборку, и в молчании вымыла руки: говорить умные вещи и работать физически у нее тоже не получалось.

– Люся, ты говоришь чушь, – уселась она наконец за стол и налила себе кофе. – Таких ремней – пруд пруди. Откуда мы узнаем, где наша красавица затаривалась?

– А вот и нет! Конечно, все магазины нам не объехать, но этого и не надо. Я уверена, что свой товар она брала не в магазине, там все дорого, так как накручено черт знает сколько процентов. Зачем ей переплачивать, когда она может запросто скупить на рынке по дешевой цене! Смотри, ремни эти китайцы делали, так? Значит, она могла их взять либо в торговом центре «Китайский город», либо на рынке. А рынков у нас… рынков у нас три – Колхозный… – Там она вряд ли стала бы покупать, рынок самый дорогой, да и китайского на нем почти не бывает.

– Значит, Колхозный отпадает. Еще Взлетка и КрасТЭЦ. Взлетка – рынок небольшой, проверить там труда не составит, а вот КрасТЭЦ и «Китайский город» надо обработать как следует. Ну, с чего начнем?

– Поехали в «Город», – решила Василиса, и подруги, накормив свой домашний скот, отправились на поиски.

В «Китайском городе» вся торговая площадь была поделена на крохотные отдельчики, отгороженные друг от друга то стеклянными перегородками, а то и вовсе тряпичной занавеской, и точно такие же ремни, как купленные Василисой, лежали на каждой третьей витрине. Однако ни один продавец не мог предложить сразу сто ремней – их у каждого набиралось от силы штук пять-десять.

– И что это наш народ на ремни кинулся? Как бараны, честное слово! Сказали вам – потуже пояски затянуть, вы и тянете так, что ремни рвутся! – неожиданно возмутилась двадцатая по счету опрошенная продавщица. – Вот недавно приходила дама, тоже подавай ей большую партию! А на фига ей эта дрянь, и сама небось не знает. Я и так и этак предлагала – возьмите лучше эти, у них качество…

– Какая дама к вам приходила? – насторожились подруги.

– Какая? Да обыкновенная, только явно больная на всю головушку. Сто пятьдесят ремней просила. Точь-в-точь таких, как у вас.

Василиса облизала вмиг пересохшие губы и распрямила плечи. Она, будто натасканный спаниель, почуяла след дичи. То есть просто след.

– И вы ей продали? – допытывалась Люся.

– Да как же я ей продам? У меня такая дрянь только в штучном количестве.

– И что, она так ни у кого и не купила? – задрожала подбородком Василиса.

– Да не знаю я…. Валя! У тебя та баба – помнишь, с ремнями – опт взяла? – гаркнула продавщица на весь рынок.

– Не, она у Петра купила, – откликнулась откуда-то издалека невидимая Валя.

– А где искать того Петра? – спросила Люся.

– Да хрен его знает. В тридцать девятом отделе посмотрите, – отмахнулась торговка и принялась перетряхивать свой товар, давая понять, что и без того убила на разговоры прорву времени.

Петра подругам удалось найти только спустя часа полтора – то он куда-то уезжал, то приехал, но побежал по неотложным делам, то он «где-то здесь», но на месте его нет. Когда Люся с Василисой уже начали терять последнюю надежду, пред их очами возник сам Петр, который оказался… чистокровным китайцем.

– Это вы Петр? – спросила на всякий случай Люся. Тот усиленно закивал головой. – У вас женщина покупала сто пятьдесят таких ремней?

Петр внимательно смотрел на ее губы, произносившие слова, точно глухой, потом его голова снова пришла в движение.

– Та. Сенсина у меня тавар прал.

– Как она выглядела? Женщина, которая у вас ремни покупала, как выглядела?

– Харасо выглятил. Касивый сенсина, – разулыбался китаец. – Высокий, в церный курка, воротник …касиво… такой присеска…

– Волосы темные?

– Нет, карисневые, такие вот… – рубанул Петр себя ладошкой по шее.

– Точно, она, – прошептала Василиса. – Куртка у нее с воротником, хорошо помню, и волосы под каре подстрижены.

– С ней был кто-нибудь или одна приходила? – допытывалась Люся.

– Никто не был, я сам памагал, до масыны данес.

– Так вы ее еще и на руках тащили? – злобно уставилась на Петра Василиса.

– Тавар нес, – вроде бы обиделся китаец.

– Машина какая? Какой номер?

– Не смотрел номер, сенсин смотрел, – снова покачал он головой.

– 546 ВМК, – вдруг встряла в разговор стоявшая рядом хорошенькая круглолицая девушка той же национальности, что и Петр.

Откуда ей был известен номер, подруги уточнять не стали, а спешно попрощались и, потирая руки, выскочили из торговой толчеи.

– Ну вот, считай, полдела сделано. Вернем деньги, купишь мне вон тот лак для ногтей. За труды, так сказать, – ликовала Люся.

Василиса же брела понуро, как больная лошадь. Она прекрасно понимала, что выяснять, кто же разъезжает на машине с тем номером, придется ей. Это же ее сын трудится в доблестных милицейских органах. Хотя в данный момент он валяется с больной ногой и трудится лишь над разгадыванием кроссвордов. И стоит его лишь попросить о помощи, как он тут же разразится гневной речью, а затем, глядишь, просто посадит матушку с ее подругой под домашний арест. Василиса это уже точно знала. Не так давно они с Люсей погрязли в неприятном деле – пришлось им самолично разыскивать преступников. Что они там разыскали, вспоминать не хочется, но сын проявил себя тогда не с самой лучшей стороны – всячески запрещал совать свой нос, куда не следует, подкидывал внучек, чтобы ограничить их свободу, – в общем, выщелкивался как мог. А все лишь для того, чтобы мать случайно не отвоевала звание настоящего сыщика! Теперь наверняка то же самое повторится.

– Ну чего ты, не слышишь? – окликнула ее Люся. Она уже давно размахивала перед промелькнувшей подругой руками, объясняя, что им предстоит делать в самое ближайшее время.

– Я слушаю, слушаю, ты маши руками дальше.

– Чего махать, мы уже пришли, – пожала плечами Люся и остановилась возле поста ГАИ.

Она деловито направилась к молоденькому парнишке в серой форме и напустила на себя серьезность. А затем деловито обратилась к гаишнику:

– Здравствуйте, с кем имею честь беседовать?

Парень оторопел на минуту, потом браво вытянулся и отрапортовал:

– Младший сержант Малюнин! Чем могу быть полезен, бабушка?

– Мы от общества «Друг леса». У нас, понимаете, молодой человек, такая проблема: один гражданин все время выкидывает мусор в неположенном месте.

– Это ты про кого? – толкнула ее в бок Василиса, но Люся так сверкнула очами, что у подруги тут же отпало желание подавать голос.

– Наше собрание постановило, – продолжала Люся, обращаясь к стражу порядка на дороге, – выяснить, кто он такой, и соответственно наказать. Просто сил нет терпеть такое безобразие на улицах города.

– Так он что, на дорогу мусор высыпает? – нахмурился младший сержант.

– Нет, но рядом. И этим самым портит весь дорожный вид. А ну как к нам президент нагрянет?

Младший сержант Малюнин еще больше подтянулся и посмотрел на нас заинтересованно.

– У нас есть номер машины этого злостного хулигана, загрязняющего город, и мы требуем, чтобы вы нашли нам его координаты. Уж мы призовем его к порядку, – щебетала Люся, протягивая листок с записанным номером.

Парень взял листок, потом едва слышно вздохнул и, отбежав, рявкнул на своего напарника:

– Сидоров, мать твою… Срочно пробей по компьютеру, кто тот кабан, который на дорогах безобразничает… К нам президент едет, а у нас свалка на самой трассе!

Через полчаса подруги благодарили расторопного сержантика за помощь и дарили ему сладкие улыбки. Однако парень на них уже внимания не обращал, а был озабочен какой-то своей проблемой. Через минуту и дамы о нем забыли – теперь у них на руках красовался адрес владелицы машины – коварной прощелыги, которая выудила у подруг двадцать таких нужных тысяч.

– Вася, давай к ней завтра заедем, мы сегодня и так целый день по городу мотаемся, а у нас ведь щенок. А его часто кормить надо, – загнусавила Люся.

– Нет, если хочешь, ты можешь променять меня на собаку, но мне деньги надо забрать немедленно! – решительно заявила Василиса и стала обиженно разглядывать осеннее небо.

Люся судорожно вздохнула и посеменила к остановке.

Обманщица, а звали ее Едякина Алла Титовна, жила в Красноармейском переулке, то есть в центре города. Дом и квартиру тоже долго искать не пришлось. Василиса дрожащей рукой нажала на кнопку звонка и отскочила, а перед глазком расположилась Люся с самой медовой улыбках на устах. Сперва им долго не открывали, очевидно, разглядывали гостей в глазок, потом дверь распахнулась, и Василиса увидела ту самую продавщицу ремней, которая собиралась срочно покинуть город. Темные блестящие волосы уложены в стильную прическу, ярко-красная помада на губах, глаза умело подкрашены тушью. Яркая дамочка, чего и говорить, хоть и не двадцатилетняя девушка, а выглядит на все сто. Вон и фигурка, как у манекенщицы. Эх, и как только бабам удается себя в таком теле содержать?!

– Вы ко мне? Ага, понятно… – мигом сообразила женщина, увидев теперь и Василису, и попыталась захлопнуть дверь.

Перед носом подруг уже столько раз захлопывались двери, что они научились с этим бороться. Резко рванув дверь на себя, Василиса гневно двинулась на обидчицу. Люся не отставала.

– Ну что, Алла Титовна? Будем денежки отдавать?

– А без денежек нельзя? – красиво изогнула бровь коромыслом Алла Титовна.

– Нет уж! Ишь дур нашла… Давай деньги! – задохнулась Василиса и пошла на женщину тараном.

Люся вовремя ухватила ее за кофту и вырвалась на передний план.

– Между прочим, для вас это может очень плохо кончиться… – довольно таинственно предупредила она Аллу Титовну.

Неизвестно, на что рассчитывала Люся, но лицо хозяйки квартиры посерело, потом покрылось свежей зеленью, и она медленно опустилась в кресло. Она вела себя не так уверенно, как в магазине. Тогда у нее рот не закрывался, а сейчас, гляди-ка, еле губами шлепает!

– Что вы хотите? – едва пролепетала она.

Подруги и не думали, что их приход так испугает хозяйку квартиры. На первый взгляд дамочка была не из пугливых, Люся много таких повидала на своем веку – вырвут из глотки любой кусок и не поперхнутся. Напугать таких хищниц непросто, а Едякина почему-то испугалась. Вон и сигарету схватила, и рука у нее трясется, и сама какая-то полинявшая сделалась. Видимо, слишком грозно рычит Василиса, так и до инсульта дамочку можно довести, как потом с деньгами-то?

– Деньги! Деньги отдай, тварь такая! – снова недипломатично влезла Василиса.

– Сколько?

– Ах ты крыса! Ты уже не помнишь, сколько у меня взяла за свой хлам? Двадцать пять! – молодым петушком прокричала нахально Василиса Олеговна.

Женщина стряхнула пепел с сигарет, постаралась взял себя в руки и выглядеть спокойной. Она пристально вгляделась в лица посетительниц, а потом обессиленно спросила:

– И тогда вы оставите меня в покое?

– Да легко, – фыркнула Люся и надменно подняла голову.

Алла Титовна подошла к окну, нервно затянулась и сбивчиво заговорила:

– У меня здесь нет таких денег. Оставьте свой адрес, я привезу вам деньги ровно в восемь вечера.

Василиса было заколыхалась в несогласии, но дамочка остановила ее жестом.

– Двадцать пять тысяч не такие деньги, чтобы мне из-за них рисковать. Деньги у вас будут в восемь. Вы хотите гарантии? Возьмите в залог все, что угодно, – скривила она красные, стильно накрашенные губы.

– А можно ваше кольцо с серьгами? – полюбопытствовала Василиса. По ее мнению, и серьги, и колечко были украшены бриллиантами, и если Алла Титовна опять сбежит, то, может, получится откупиться от хозяйки «Жемчужины» хоть драгоценностями.

– Я думала, вам документы нужны, а это… Пожалуйста. В любом случае сегодня деньги будут у вас. Я очень надеюсь на вашу порядочность, – проговорила она, вытаскивая серьги из ушей.

Одна сережка запуталась в блестящей прядке волос, и Едякина с силой рванула локон. В сережке застряли темные волоски.

Василиса вылетела из подъезда, крепко сжимая в кулаке золотые украшения.

– Ты зачем у нее двадцать пять тысяч потребовала? – нахмурилась Люся.

– А моральный ущерб? Меня хозяйка «Жемчужины» из-за этих самых ее ремней за дурочку посчитала, что ж, считаешь, это не стоит денег? Пять лишних тысяч будут штрафом для Аллы Титовны! Она в другой раз не полезет со своими ремнями к честным работницам. А ты, я смотрю, сильно за нее переживаешь?

– Я не за нее переживаю. Я только думаю, зачем люди делают то, что опасно для жизни?

Люся мотнула головой, будто отгоняя неприятные мысли, и устремилась домой к неожиданно свалившемуся на нее голодному питомцу. Надо было еще забежать в магазин и купить пропитание.

Дома царил великий погром. Финли достаточно быстро полюбил нового жильца, потому что с ним было куда как веселее, нежели с неповоротливыми хозяйками. Если раньше он охотился только за ногами Люси, потому что та громче визжала, то теперь его внимание переключилось на маленького терьера, и охота превратилась в настоящее побоище. Подруги вошли как раз в тот момент, когда Финли восседал на щенке, а тот валялся на спине, пытаясь уместить голову врага у себя между челюстями.

– Вася! Он его сожрал! Говорила тебе, надо было покормить щенка раньше!

– Собака, фу! О господи! Люся! Как зовут этого монстра?

– Сейчас посмотрю, у меня где-то на бумажке записано. Сейчас… его зовут… Арчи… так, не могу прочитать… Арчифилд, вот! А как же ты с ним гуляла, если имени не знаешь?

– Обыкновенно. А что, я к нему должна по имени-отчеству обращаться? Малыш, да и все.

– Ну и пускай Малышом остается, а то пока его имя выучишь, он кому хочешь успеет башку откусить, – постановила Люся и принялась наполнять миски.

Алла Титовна пришла ровно в восемь. Сегодня она была в длинной шубе, красивые волосы были упрятаны под белую шапочку. Аккуратно усевшись на диван, не раздеваясь, она протянула Василисе целлофановый пакет с деньгами. У нее был какой-то странный взгляд, будто она о чем-то хотела попросить. Но Василисе некогда было заглядывать Едяки-

ной в глаза, она, не торопясь, пересчитала купюры и только после этого милостиво качнула головой. Неожиданно в кармашке гостьи затренькал сотовый телефон. Посмотрев на табло, она мило улыбнулась:

– Вы позволите мне поговорить?

– Пройдите в кухню, – деликатно предложила Люся, вспоминая, не стоит ли в раковине посуда.

Едякина переговорила довольно скоро и сразу прошла в прихожую.

Ни останавливать, ни приглашать гостью к чаю подруги не собирались. В конце концов, дамочка не с гуманитарной помощью явилась. Поняв, что визит закончен, Алла Титовна сухо простилась и удалилась.

– Ну все, Люся, теперь я могу вздохнуть свободно, – поглаживала пакет с деньгами Василиса. – Надо срочно бежать к хозяйке «Жемчужины» и передать ей деньги, а то, поди, до сих пор меня недотепой считает.

– Ну какая же ты недотепа? Ты рвачка! Хапуга, можно сказать. Еще немного, и я начну тебя презирать! – вдруг надулась Люся. – Ты почему Едякиной ее бриллианты не отдала?

– Ох ты, совсем забыла… А ты тоже хороша, не могла подсказать! – кинулась Василиса к дверям.

– А я уж подумала, что ты решила на камушки ремонт сделать. Мне привиделось, что это тоже нечто вроде штрафа… Вася, куда ты?

– Так, может, она еще недалеко ушла, успею догнать, – выскочила Василиса в подъезд. Главное, чтобы Едякина не успела сесть в машину!

В подъезде было темно, и Василиса, споткнувшись на лестнице, рухнула вниз прямо с верхней ступени, пробороздила подбородком весь пролет и затормозила лишь на площадке. Подняться не получилось – подвернулась нога, а потому, усевшись поудобнее, Василиса принялась ощупывать ее и вставлять ее части на место. «Да черт с ними, с бриллиантами, – подумала она в сердцах, – завтра отдам!» Василиса Олеговна тихонько всхлипнула и внезапно похолодела, по ее рукам пробежала дрожь, а больная нога интенсивно задергалась: она сидела на человеке! И этот человек даже не ойкнул, не пошевелился…

В следующую секунду двери сразу нескольких квартир в подъезде распахнулись – жильцы отреагировали на нечеловеческий визг, пронзивший дом сверху донизу. Сосед с первого этажа притащил фонарь и осветил такую картину – Василиса, с разбитым в кровь лицом и такими же коленями, визжала во всю силу легких, восседая на… трупе красиво одетой женщины. В том, что под Василисой Олеговной находился именно труп, сомневаться не приходилось: на лбу женщины чернела аккуратная дырочка, а белая шапочка сползла набок и окрасилась кровью. Под Василисой лежала Алла Титовна Едякина. Вернее, то, что ею было буквально несколько минут назад.

Следующие дни были вычеркнуты из жизни подруг следственными органами. Василиса и Люся часами просиживали перед серым, невидным мужчиной и в который раз пересказывали ему случившееся. Мужчина совершенно не умел делать комплименты, нисколько не интересовался личностью тех, кого допрашивал, и беседовать с ним было сущим наказанием. Особенно для Василисы. Потому что ей совершенно не хватало сил на то, чтобы ухаживать за собой, как она привыкла. Василиса Олеговна уделяла своей внешности огромное внимание, она обязательно два раза в неделю делала маски из всего, что находила в холодильнике, умело использовала макияж и никогда не мыла лицо водой на ночь. Но теперь ей стало совершенно не до этого всего.

Когда свидания с неприятным мужчиной закончились и подруги осели наконец дома, в гости приковылял сын Василисы собственной персоной.

– Мама, объясни мне, что у вас тут произошло? – начал он с порога. – И еще… Растолкуй мне, сделай милость, почему именно с тобой случаются всевозможные неприятности?

– Не только! – гордо вскинула голову Василиса. – Вон с Люсей тоже!

Естественно, они ему ничего не собирались что-либо докладывать. С какой стати? Уж если подруги тому, серому, ничего не рассказали, то уж Павлу-то как-нибудь мозги затуманить удастся.

– Паша, ты хочешь пирожков? Сегодня Люся настряпала, – проводила на кухню сына Василиса.

Тот уселся за стол, но успокаиваться не собирался.

– Мама, пообещай мне, что вы с Люсей никуда не будете вмешиваться. Вот прямо сейчас пообещай! – нудил с полным ртом Павел.

– Ты ешь, ешь. Расскажи лучше, что в кроссвордах новенького пишут? Я имела в виду, что по телевизору показывают? – уселась Василиса Олеговна напротив.

– Короче, так: завтра мы с Лидочкой привезем тебе Наденьку и Катюшу. Отдохни немного от беготни по улицам.

Случилось то, чего подруги боялись, – Паша сажал мать с Люсей под домашний арест. Вполне понятно, что они, обремененные детьми, не станут таскаться по городу, выясняя, кто пристрелил несчастную Едякину. Надо было срочно что-то придумать.

– Извини, родной, но завтра никак невозможно: мне надо разобраться с местом работы, – вдруг вспомнила Василиса. – Ты же знаешь, я сейчас тружусь в «Жемчужине», вот и надо кое-чем там заняться.

– Мама, – устало произнес ее сын Паша, – тебе правда надо на работу?

– Паша, ты же знаешь, я никогда не вру… Ну, почти никогда… только в редких, исключительных случаях.

Пока Павел слушал пылкую речь матери, возле его ног пристроился лохматый щенок и уставился на гостя такими голодными глазами, что тот не выдержал и сунул в его пасть пирог.

– Что ты делаешь?! – вскричала Люся, которая во время разговора Василисы с сыном скромно сидела молча. – Ты зачем скормил Малышу эту гадость?

Павел чуть не подавился:

– А зачем вы меня гадостью угощаете?

– Взрослый мужчина, а ничего не понимаешь! Для трехмесячного щенка печеное тесто – чистая смерть. О-о, эти мужчины! Мало того что они совершенно не понимают женщин, они даже собачий язык не понимают! – верещала Люся на одной ноте.

Паша быстренько подтянул костыли и поковылял к выходу.

– Вы уж тут сами, ладно? Авось псинка не заболеет, а мне пора, уж извините.

После его ухода Василиса затосковала. И Люся, обеспокоенно поглядев на подругу, начала ее успокаивать:

– Вася, ты что? Ну извини, сорвалась я на Пашку, но ведь….

– Люся, ты не сорвалась. Ты орала, как беременная монашка. А это означает только одно… – всхлипнула Василиса Олеговна.

– Ты думаешь, нам придется самим заняться расследованием? Ты хочешь сказать, что мы должны найти убийцу несчастной Едякиной? – шепотом ужаснулась Люся.

Василиса только с глубоким вздохом развела руками.

– А что делать? Ты меня в эту историю впутала, и теперь…

– Я?! – перебила Люся, ошалев от наглости подруги.

– А кто сказал Едякиной, что ей будет хуже? Так оно и получилось, – грустно объяснила Василиса.

Люся не выдержала и принялась бегать по комнате. Коварный Финли тут же стал охотиться за ее ногами, и той приходилось по-лошадиному взбрыкивать.

– Да, я так сказала. Но надо же было как-то заставить ее отдать тебе деньги! Я и не думала… Финли, отцепись! Я не думала, что попаду в самую точку. Ты-то ведь знаешь… – ох, Финли, уймись! – что мне ничего про нее не известно!

– Я знаю. Но она оставалась дома одна, и кто знает, с кем она могла за это время встретиться или просто переговорить по телефону. Помнишь, ей даже, когда она у нас была, звонили… И потом учти, ее убили в нашем подъезде, а уж выяснить, к кому она приходила, – большого ума не надо. Вот и думай.

Люся плюхнулась на диван и обхватила руками голову. Минут пятнадцать она сидела молча, качаясь из стороны в сторону. Ей вдруг отчетливо вспомнился взгляд Едякиной. Может быть, она и правда хотела о чем-то попросить? Люся стала качаться еще сильнее, а потом вдруг спокойно заявила:

– Ну что ж… Надо найти ее убийцу, значит, найдем. Сегодня же вечером будем разрабатывать план.

– А сейчас?

– А сейчас мы с тобой завезем деньги хозяйке «Жемчужины» и куда-нибудь пристроим ремни. Надоели они уже тут, все глаза измозолили.

Василиса Олеговна не совсем понимала, куда можно пристроить такую прорву дурацких ремней, но уточнять не стала. У подруги, похоже, настроение изменилось в лучшую сторону, потому что она уже рылась в шкафу, тихонько мурлыкая несложную песенку:

– «Ля-ля-ля, даже если нам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца…» Вася, ты бы не стояла столбом… Давай-ка одевайся.

Деньги хозяйке «Жемчужины современной моды« Василиса вернула без особых приключений. Правда, та процедила сквозь зубы, принимая целофановый пакет:

– Надеюсь, вы не ограбили какого-нибудь нефтяного магната…

Василиса только презрительно фыркнула и не стала задерживаться в магазинчике, у них с подругой было еще одно важное дело, и на улице томилась Люся с ремнями…

– Теперь пойдем вон в то здание, видишь? – скомандовала Люся, спотыкаясь на неровностях мостовой. – Там у меня один знакомый работал, рассказывал – жуткие вещи у них творятся… Вообще я лучше одна схожу, дай-ка ремни. Штук пятнадцать. А ты меня здесь подожди.

В здании находилось частное предприятие под звучным названием «Русский пончик». Люся отсчитала несколько ремешков и храбро толкнулась в стеклянные двери. Через полчаса она вышла с пустыми руками. Вернее, не с пустыми – из крепко сжатого кулака торчали денежные купюры.

– Ты что, продала наши ремни? – поразилась Василиса. – И у тебя их взяли?

– Ну, скажем, пришлось взять. Я просто сообщила одному дядечке, что завтра приду к ним проверять пожарную безопасность, а для полного комплекта противопожарного щита им не хватает именно ремней.

– Зачем же ты так? Наверное, хороший дядечка, так пожарников боится, а ты…

– Если бы ты знала, какие дела проворачивает этот хороший дядечка, ты бы ему не пятнадцать, а все сто ремней приволокла, – не согласилась Люся. – Все, пошли теперь с чистой совестью домой.

Дома они уселись за столом с пирогами, пристроили рядышком чистый лист бумаги и стали набрасывать хоть какой-то план дальнейших действий. Однако на ум ничего путного не приходило.

– Вася, я вот все думаю… За что Едякину могли убить?

Василиса почесала жиденькую фрикадельку из волос у себя на макушке и призадумалась.

– Люся, ну ты же пойми – женщина занималась надувательством. Может, она не того обманула, ну и… сама понимаешь.

– Хм, не думаю. Она явно кого-то боялась. Если бы это был обычный продавец… ну не обычный, а тот, с кем такие шутки не проходят… она бы отдала ему деньги, как нам, и дело с концом. Нет, тут что-то другое, я носом чую.

– И где нам найти это другое? Я, честно тебе скажу, даже не знаю, с чего начать, – с трудом произнесла Василиса, так как вытягивала челюсть, накладывая на лицо толстый слой простокваши в качестве вечерней маски.

– Нам нужна помощь Пашки. Все-таки у него все знакомые в следственных органах, пусть он хоть немного что-то прояснит, – предложила Люся.

– Ты что, не слышала его мнение по этому поводу? Он же ясно сказал: не суйтесь, не влезайте, а иначе – внучек на неделю. Нет, надо нам самим.

Одним словом, подруги так ничего и не придумали и решили вплотную заняться расследованием прямо с завтрашнего утра. Сегодня же усталые дамы пораньше отправились спать. Василиса по привычке взяла к себе под одеяло теплого кота, и кудрявый Малыш, видя такое дело, с чистой совестью запрыгнул в кровать к Люсе.

Утром она родилась, эта простая и замечательная идея, – что предпринять в смысле расследования. Даже удивительно, где она заблудилась вчера и почему такие опытные детективы, как Василиса и Люся, не смогли с вечера до этого додуматься. Они знают, где жила Едякина Алла Титовна, и, следовательно, само собой разумеется, надо сходить по ее адресу и опросить ее соседей. Не может быть, чтобы никто ничего про дела Едякиной не знал.

Подруги собрались быстро. Даже Василиса макияж навела всего за какие-то сорок минут. Сегодня они должны явиться к людям как частные детективы, поэтому – никакой вольности на лице. Брови – вороньим крылом, щеки – паспортного тона, а губы – зрелый бутон осеннего георгина. Но вдохновение подруг, уже стоявших на пороге квартиры, задушила Лидочка – Пашина супруга и соответственно невестка Василисы. Она привела за ручки двух очаровательных девочек, своих дочек, – Катеньку и Надюшу. Лицо ее лучилось радостью.

– Вот, Василиса Олеговна, Паша сказал, что вы обижаетесь на меня из-за того, что редко детей к вам вожу. Так я же думала, вам некогда… Если хотите, можете нянчиться с ними хоть ежедневно, только на ночь домой приводите, – виновато проговорила она.

Совсем недавно у Павла и Лидочки родилась третья дочь, и вполне понятно, что молодая женщина уматывалась с тремя детьми до невозможности. И каждый раз, отдавая хоть часть своего потомства бабушке, Лидочка вздыхала с явным облегчением.

Люся опустилась на диван, и краски на ее лице померкли. Василиса любила внучек, и отправить невестку с детьми обратно язык не поворачивался. Однако сейчас у нее были неотложные дела…

– А разве Катеньке не нужно в школу? – со слабой надеждой спросила бабушка.

В этом году Катюша пошла в первый класс, и Василиса справедливо полагала, что с ребенком должны заниматься родители.

– Вы не беспокойтесь, она уже пришла из школы. В первые дни уроки короткие. Катенька и портфель с собой принесла… Вы поможете ей уроки сделать? А тетя Люся с Наденькой пока погуляет.

Тетя Люся икнула. Не так давно, когда девочек привели к бабушкам в начале дня, Люся еще смотрела сны и по неосторожности продолжила спать, а поутру у нее сон крепкий… В общем, детские ручонки так разрисовали разноцветными фломастерами блеклую физиономию бабушки Люси, что Василиса целый час потом терла ей щеки и губкой, и отбелива-

телем, и даже знаменитым все отмывающим «Фери». Поэтому теперь Люся в присутствии детей каждую минуту была начеку.

– Ладно, хорошо. А когда ты за ними придешь? – смирилась Василиса.

– Ну, вечерком и зайду. Вы же еще в девять спать не ляжете?

Таким образом, до девяти вечера подруги стойко отдавались занятиям с детьми. Василиса уселась с Катей за уроки, а Люся полдня таскалась с Надюшей и Малышом по осеннему саду, чтобы не мешать приготовлению уроков. Потом дети и животные толпились возле кухонных дверей, ожидая, пока бабушки соорудят котлеты к обеду.

– Баб, а что ты не стряпаешь «дамские пальчики»? – спросила Надя. – Ты нам раньше стряпала.

– Надя, ты прям как маленькая! – по-взрослому покачала головой старшая Катюша. – Ну какие «дамские пальчики»! Папа же говорил, что у бабы Васи опять детективный бзик, до пальчиков ли тут…

Василиса вздрогнула, и только что скатанная котлета брякнулась ей на тапок. Тут же подскочил ненасытный Малыш и тяпнул мясную лепеху вместе с тапком.

– А-а! – взревела Василиса.

– Что, баба, нога болит?

– У меня не нога, у меня здесь болит! – ткнула Василиса мощным кулаком себя в грудь. – Душа то есть! Передайте папочке… Впрочем, ешьте котлетки, девочки, я сама вашему папочке все скажу!

Вечером, около девяти в квартиру впорхнула свежая и отдохнувшая Лидочка и с порога затараторила:

– Ну, как вы? Хорошо? Завтра во сколько приводить?

– Завтра я не могу, – твердо заявила, поджав губы, Василиса. – Завтра у меня детективный бзик!

Лида моментально осеклась и залилась краской.

– Ну что вы, Василиса Олеговна. С чего вы взяли? Паша совсем не хотел ничего такого сказать…

– А откуда же ты взяла, что я грешу на Пашу? – прищурилась дама. – В общем, так, передай своему супругу, Лидия, что, если бы у него хоть раз в месяц такие бзики случались, вы могли бы спокойно жить на одни премии. Или уже давно открыли бы свое частное детективное агентство.

Лида ушла, а Василиса еще долго пыхтела вскипевшим чайником. Из рук у нее все валилось, телевизионные программы не радовали, и Люсе пришлось срочно вытягивать подругу из наплывающей депрессии.

– Вась, пойдем Малыша прогуляться выведем, а? Ему перед сном надо как следует побегать, чтобы он опять нам к утру сюрпризов не припас.

Василисе идти не хотелось, но осенью темнеть начинает рано, и отправлять подругу одну было боязно. Нарядившись кое-как, Василиса поплелась на улицу. Она молча шла по аллее, рядом щебетала Люся, под ногами хлюпала грязь, и вся жизнь казалась такой же слякотной и хмурой. Прохожих не было – ни один порядочный человек в такую погоду не собирался любоваться пейзажем, и женщины одни маячили в пустынном сквере, как два перста. Аллею плотно обступали мрачные, темные кусты, деревья возвышались зловещими гигантами, фонари светом лампочек не радовали, и даже обычных городских звуков сюда не доносилось.

Неожиданно раздался сдавленный крик. Подруги кинулись в темноту, звонко разбрызгивая грязные лужи. Возле куста стоял немолодой уже человек, и глаза его были полны ужаса.

– Что с вами?! – подскочили подруги.

– Там…. там кто-то есть…. – лопотал несчастный и тыкал пальцем в заросли куста.

Женщины прислушались. Тихо. А вот послышался шорох… нет, даже не шорох, а… чавканье.

– Малыш, поросенок ненасытный! – вскричала Люся и полезла в самую чащу кустов.

Малыш пиршествовал. Какие-то нерадивые граждане высыпали под куст целый пакет всевозможных отходов, и песик рылся мохнатой мордой в зловонной куче.

– Так это ваш? – оправился от испуга мужчина и, быстренько застегнув кое-какие детали туалета, начал как бы оправдываться: – А я тут мимо проходил, дай, думаю, свежим воздухом подышу, слышу – шуршит кто-то. Не иначе, думаю, маньяк. Уже, честно сказать, к мучениям приготовился.

Подруги только фыркнули. Мужчина, однако, был достаточно приятным внешне. Неброский плащ болотного цвета, шляпа пельменем, брюки в крупную клетку – все в нем говорило, что мужчина аккуратист и даже франт.

– А вы, стало быть, с собачкой… Погодка-то, я скажу, не для прогулок… Я бы сейчас с удовольствием в теплой компании да с горячим чайком… Рад представиться – Коркин Антон Петрович, – бодро шаркнул ножкой ночной встречный и потянулся за ручкой Люси.

Та испуганно отпрыгнула. Зато Василиса жеманно поправила свою жидкую фрикадельку на темечке и плавно протянула ладонь, широкую, как у шахтера. Мужчина хотел было приложиться к ней губами, но почему-то передумал и крепко, по-мужски, пожал, одарив Василису долгим, тоскливым взглядом. Люся насторожилась.

– Приятно было познакомиться… Пойдем, Вася, ты прям под любым кустом мужика отыщешь! – зашипела она и силком поволокла подругу к дому. Василиса честно упиралась, ее тянуло к общению, но Людмила Ефимовна была неумолима.

Одной рукой она волокла подругу подальше от сомнительного знакомства, а другой управляла поводком, на конце которого держался шаловливый щенок. Малыш все-таки проявил свою шкодливую сущность – с размаху кинулся в грязнущую лужу, обрызгав чуть ли не все одеяние мужчины, и улегся в самую ее середину.

– Малыш! Да что ж такое! – бросилась к нему Люся, на минуту выпустив Василису из рук.

– Ну вот, теперь мы просто обязаны вас привести в порядок. Пойдемте к нам, я вам плащ почищу! – обрадованно заговорила общительная Василиса, обращаясь к Коркину.

Тот покорно потрусил за дамами, Люся заскрипела зубами, и только Малыш весело скакал вокруг процессии, грязный по самые уши.

Когда вся компания ввалилась в дом, Василиса продолжала разливаться патокой:

– Вы пройдите пока в ванную. Вам непременно надо почиститься, а мы тут уже чаек… Люся, чего ты там копаешься, организуй чаек нашему гостю!

Но Люся уже затолкала в ванну собачье дитя и теперь ничего не слышала. Щенок мыться не любил. Он несколько раз пытался выпрыгнуть на волю, измазал всю хозяйку, извертелся веретеном и, потерпев неудачу, завыл. Горько и безнадежно.

Василиса, заглянув к Люсе и поняв, что чистка нового знакомого откладывается на потом, принялась, как могла, его развлекать.

– Вас, вероятно, уже жена заждалась? – кокетливо повела она плечиками.

– Я вообще-то на данный момент свободен от супружеских обязанностей, – напыщенно проговорил Антон Петрович, с тоской косясь на дверь в ванную.

Наконец Малыш вылетел из ванной, и туда томно просочилась Василиса. Она решила, что справедливей будет сначала себя привести в полную боевую готовность. Но и закрывшись там, они не давала гостю забыть о себе ни на минуту.

– Люсенька, – кричала Василиса, подправляя макияж, – достань то варенье из абрикосов! Помнишь, которое я варила? А свое не ставь, оно у тебя немного плесенью подернулось, ты меня не послушалась и пожалела сахару!

Потом она принялась напевать, демонстрируя самые высокие ноты, какие только могла взять. Получалось несколько визгливо, но зато громко. Когда Василиса появилась на кухне, свежая, с блестящими щеками, возле стола толкалась одна только Люся.

– Лю… ся… – растерянно проговорила какетка. – А где наш гость?

– Как то есть где? Он ушел домой, – спокойно пояснила та. – И вообще! Мы с тобой будем делами заниматься или на мужиков заглядываться? Я, конечно, понимаю, у тебя такой возраст, когда страшно остаться одной, вот и тянет к любому проходимцу… Мне это еще не грозит! – фыркнула Люся и демонстративно повеселела. – Ля-ля-ля…

– Мне, между прочим, тоже… Ля-ля-ля… Кстати, я сейчас как раз в той поре, когда мужики за мной просто стаями ходят. Ну, чего там говорить, сама видела… Ля-ля-ля-ля… – постаралась изящно изогнуться, вроде бы в танце под собственный аккомпанемент, Василиса и напала на еду.

Ночью, лежа в кровати, Люся долго размышляла, почему новый знакомый, который, как утверждает Василиса, стаей ходит за подругой, свидание назначил ей, Люсе? Это же ей он шепнул, когда Василиса ушла в ванную, что завтра будет ждать ее в парке. И еще – отчего Едякину пристрелили именно в их с Васей подъезде? А заодно, чего она так боялась, эта Едякина? Может, того же самого и им с Василисой стоит опасаться? И к тому же…

– Вася, послушай, а не зря ли мы милиции-то ничего не сказали? Ну, мужику тому, в сером? – обратилась она к подруге.

Та уже начинала высвистывать носом колыбельную, но, услышав Люсю, встрепенулась:

– И ничего не зря! Ты видела, как он с нами беседовал? Точно жабу во рту держал! И потом, он сразу нас отмел как немыслящие единицы, разве не заметила? А это о чем говорит? О том, что он не умеет расположить к себе свидетеля. Ну и чего, спрашивается, найдет такой спец? Нет уж, лучше сами, – рассудила Василиса Олеговна и уже совершенно спокойно отошла ко сну.

На следующий день Людмила Ефимовна пораньше выгуляла псину, а Василиса Олеговна прочно уселась у зеркала. Предстояло немало посветиться перед незнакомыми людьми, а поэтому необходимо выглядеть красавицей. Люся была несколько иного мнения: она считала, что природа в свое время достаточно потрудилась над ее внешностью, так что нечего теперь трудиться и делать из козы овечку. И она, чтобы не терять зря времени, ходила взад– вперед и монотонно повторяла все, что подругам уже известно про несчастную Едякину Аллу Титовну, которая совершенно непродуманно умудрилась скончаться прямо при выходе из их квартиры.

– И что же мы знаем? Едякина сначала вручает тебе какие-то ремни, которые никому не нужны ни к черту, ты их, конечно, хватаешь, потому что ума у тебя, Васенька, не было, нет и опять не стало. После этого дамочка получает от тебя деньги, якобы уезжает, а на самом деле благополучно оседает дома…

– Нет, Люсь, ты представь! Она даже не соврала ничего, помнишь? Ну, могла бы что-нибудь наплести, дескать, с поездкой ничего не вышло, а то… Вот змея! Господи, царствие ей небесное… – отвлеклась на минутку Василиса.

– Точно, даже и не соврала. Она с нами говорила, точно мы в курсе всех ее махинаций. И деньги отдала по первому требованию. Слушай, она определенно кого-то боялась. Мне чутье подсказывает…

– Ты уже говорила про чутье, – хмыкнула Василиса и скроила измученную физию. – Ну чего тут думать-то! Ясное дело – провернула махинацию, да не туда, вот и расплатилась. Мы же не знаем, вдруг она эти ремни вагонами продавала?

– Знаем. Она их купила сто пятьдесят штук. Причем сто из них затем купила моя глупая подруга. А кто же тогда Едякину убил? И за что?

– Не накручивай. Узнаем, – успокаивала Василиса, аккуратно выводя стрелочку над глазом.

Люся не была так уверена.

– Я тебе просто удивляюсь! Неужели ты не понимаешь? Ее убрали как раз в тот момент, когда она выходила от нас. А вдруг кто-то решит, что она сообщила нам какую-то важную информацию? Или решит, что мы с ней сообщники?

Василиса такой ход событий не предвидела. Она быстро забросила косметику подальше и взволнованно скомандовала:

– Все, Люся, пошли! Надо как можно быстрее разговорить соседей этой самой Едякиной и вывести убийцу на чистую воду. А то, ты ведь меня знаешь, я не смогу спокойно уснуть!

Люся подругу знала – та великолепно спала при любых ситуациях. Однако она была права: убийцу куда-то там вывести было просто необходимо.

Глава 2
НЕ ШВЫРЯЙТЕ ПИАНИСТА

Войдя в уже знакомый подъезд Едякиной, подруги едва не оглохли от грубой брани, звона стекла и звучных рыданий. Василиса шустро повернула назад.

– Куда? – зашипела на нее Людмила Ефимовна.

– Там, наверное, преступная группировка бунтует. Или поминки справляет…

– Не похоже. Пойдем посмотрим. В такие моменты как раз самое сокровенное и узнаешь. Мы с тобой дамы степенные, на нас никто ничего серьезного не подумает. Скажем, что мальчика потеряли, в песочнице заигрался, вот, ищем…

– Ага, – быстро подхватила идею Василиса Олеговна. – Черненький такой, скажем, лет пятидесяти…

Люся только вздохнула.

Чем выше поднимались подруги, тем громче была слышна брань. На женщин уже сверху катились пустые винные бутылки и даже долетали кое-какие тряпки. Буянили как раз на площадке Едякиной. Причем буянила гневная женщина с волосами, накрученными на бигуди, а горестно всхлипывал длинный худой мужик в старых спортивных штанах и в резиновых сапогах.

– Олимпиада! Не надо меня выгонять! Ты знаешь, я как Конек-Горбунок… Олимпиада! Инструмент не трогай! Падла! – верещал он, называя почему-то пустую водочную тару инструментом.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровались подруги. – Извините, что, так сказать, нарушаем вашу супружескую беседу. Вы не могли бы нам помочь? Мы хорошо заплатим.

Гневная женщина устало опустила руку с бутылкой и пригласила подруг в комнату, захлопнув дверь прямо перед носом супруга. В гостиной, куда она провела гостей, было уютно и чисто. Никакой дорогой обстановки не наблюдалось, но чувствовалось, что хозяйка свое гнездышко холит. Пахло влажной землей из цветочных горшков, свежестью дышали беленькие самовязанные салфетки, и следов пыли нигде не было видно.

– Отчего не помочь… – говорила хозяйка.– Вы не смотрите, это я только с мужем своим зверею. Да и то сказать, пьет, скотиняка, ну каждый день! Мало того что сам домой грязный да вонючий тащится, он еще и бутылки пустые в дом волочет. Ну просто перед соседями стыдно!

– Олимпиада, это не пустые бутылки! Это хрустальный рояль! – послышалось с той стороны двери.

– Ну вот, видите! – всплеснула руками женщина. – Выдумает на пьяную башку всякую хрень, а потом сам в это верит.

Она продолжала говорить в том же духе чуть ли не полчаса. Подруги пришли задать свои вопросы, но им никак не удавалось вставить даже словечко.

– А вас зовут Олимпиадой? – наконец втиснулась с вопросом Василиса.

– Да какая там Олимпиада?! Зина Калинкина я. Всю жизнь Зиной была. Это Гошка, муж мой, как только рюмку проглотит, так и склоняет меня на все лады. Сегодня я у него Олимпиада, вчера была Тортиллой, а позавчера Пампадурой.

– Зина, а вы не скажете, кто в двадцать седьмой квартире живет? – прервала ее Люся.

Зина немного отдышалась перед новым монологом и снова затарахтела:

– Сейчас никто не живет. Что-то там с хозяйкой недавно приключилось. То ли убили ее, то ли сама скончалась, но она уже там не живет. Из новых никто еще не поселился. Слу-

шайте, а может, вам чайку? Или кофе? У нас есть, такой, знаете, быстрорастворимый, – вдруг спохватилась хозяйка.

– Да нет, спасибо, мы на работе, – отказалась Василиса, хотя Люся вроде бы и принялась согласно мотать головой. – Вы вот лучше расскажите, что она за человек была, хозяйка этой квартиры?

Зина поджала губы и как-то пристально принялась разглядывать непрошеных гостей.

– А вам зачем? – пискнул из-за двери невидимый Гоша. Пользуясь случаем, он потихоньку прокрался к себе домой, но в комнату войти не решался, так и беседовал, стоя за закрытой дверью.

– Вы же понимаете, мы здесь не случайно… – не разжимая губ, процедила Василиса. – Нас наняли… большие люди… Вот я вас и спрашиваю, что вы можете рассказать о своей бывшей соседке?

Сбитая с толку хозяйка квартиры прилежно уложила руки на колени, сморщила лоб, а потом в отчаянии покачала головой:

– Ну что хотите, со мной делайте – ничего не могу сказать! Я даже не знаю, как ее звали. Она ведь в квартиру-то заселилась месяца два назад. Вроде жила одна… Мы с ней пару раз здоровались. И то, знаете, как – мимо пройдешь, башкой мотнешь, вроде и поздоровался. А так никогда даже и не разговаривали. Да и чего ей с нами разговаривать? Она, сразу видно, не из бедных, а мне из-за своего-то и на людей глянуть стыдно. Вот ведь был мужик мужиком, а тут, с этой пьянкой… Придумал из винных бутылок…

– И из пивных тоже! – раздалось из-за двери.

– Ну из всякой стеклянной дряни придумал соорудить пианино! Ну виданное ли это дело, а?! Захотел в книгу рекордов попасть. Вот и тащит со всех помоек стеклотару в дом. А я со стыда горю! А про эту соседку, я ей-богу ничего… ой, погодите-ка! Я же с прежней-то хозяйкой двадцать седьмой квартиры, с Калерией Степановной, в очень тесной дружбе состояла. Она, когда уезжала, и телефончик мне свой оставила…. – вскочила Зина и потряслась в другую комнату.

Люся склонилась к Василисе:

– А зачем нам адрес прежней хозяйки?

– Молчи, в хозяйстве все сгодится, – только успела прошипеть Василиса, как Зина снова вернулась, держа в руке листок.

– Вот, я вам тут телефончик Калерии нацарапала. Вы ей позвоните, она квартиру продавала без посредников, должна была с новой-то хозяйкой встречаться. Может, она больше моего знает…

Поблагодарив женщину, Василиса вытащила из сумочки две купюры:

– Спасибо, это вам за помощь.

– Да вы что?! Два слова и сказала-то! Нет уж, идите, не нужно денег. Я не сильно перетрудилась, да и остыла немного, с вами беседуя. Вроде как и на Гошку больше не сержусь. Так что вам спасибо, помогли в семье мир наладить.

– Ну что же, спасибо на добром слове, – поднялась Василиса. Люся тоже встала.

Обидно было, что так и не удалось ничего узнать про Едякину, но, может быть, им что-то скажет бывшая хозяйка двадцать седьмой квартиры?

Едва подруги добрались до дома, как в их дверь раздался звонок.

На пороге сияла давняя подруга Люси и Василисы Мария Игоревна, Машенька. Еще совсем недавно она была совершенно свободной женщиной – в молодости ей не удалось завести мужа и обрасти детьми, но некто свыше решил внести корректировку в ее судьбу, и Мария на старости лет решила изведать сладость замужества. Причем мужа долго не выбирала, ухватила что попало. А попала ей редкостная мерзость, некто Петюня. В том, что

он именно мерзость и именно редкостная, помогли Маше убедиться Василиса с Люсей. В конечном итоге все вернулось на круги своя, и Машенька обрела статус разведенной женщины, а вместе со статусом двух оголтелых сорванцов-пасынков. Правда, сама она этого слова терпеть не могла и относилась к мальчишкам лучше, чем родная мать. Кстати, родные матери мальчуганов и вовсе не помнили о том, что где-то у кого-то растут их родные чада. Но это все в прошлом, а сейчас у Марии Игоревны была, пусть неполная, но вполне дружная семья. Детьми она занималась самозабвенно и при малейшей загвоздке в воспитании неслась к подругам за советом, все же те как-никак ухитрились в одиночку вырастить достаточно порядочных детей.

Сейчас Машенька сияла улыбкой, а за ее спиной высились двое окрепших подростков.

– Ой, Маша, ребята, какая радость! Давненько вы к нам не заходили! – засуетились подруги, радуясь гостям и проводя их в комнату. – Вы отчего-то так переменились…

– Да и у вас новости, как я погляжу, – кивнула Машенька на суетящегося под ногами Малыша. – Девчонки, а у меня для вас такой сюрприз!

– Неужели снова замуж собралась? – испуганно охнула Люся.

– Да вы что?! Я только жить начала! В общем, девчонки, занялась я косметикой. Вот, посмотрите. – И она стала вытаскивать из объемного баула различные тюбики, баночки, пакетики. – Это называется «Ножки Клеопатры».

– Господи, так она же умерла давно, Клеопатра-то! А теперь, выходит, ее ногами торгуют?

– Люся! Это ж только название! Ну, вроде как намажешь, и у тебя будут такие же красивые ноги, как у нее, – пояснила Машенька.

– А что, у Клеопатры ноги были красивые? – засомневалась Люся. – А то вдруг дамочка страдала плоскостопием или там, допустим, варикозом, а я такие же ноги себе закажу…

– Люся, у Клеопатры все красивое было! – сурово блеснула глазами Маша и продолжала тараторить дальше. – А вот это, девочки, ну просто чудо! Накладываешь маску на пятнадцать минут, и все.

– В каком смысле «все»? – испугалась уже и Василиса.

Машенька тяжело вздохнула и исподлобья уставилась на подруг.

– В самом хорошем. Вы что, опять в какой-то детектив вляпались? Я смотрю, у вас на уме одни страшилки. И, конечно, ничего не можете рассказать? Понятно. Тогда я рассказываю, причем специально для лиц с юридическим заскоком. Накладывать маску следует на пятнадцать минут, и наступает полное омолаживание. Правда, стоит эта масочка… в общем, в две пенсии обойдется. Зато ни одной морщинки!

– Слушай, Машенька, а нельзя чего-нибудь такого, простенького? – робко спросила Василиса. – Я себе иногда в качестве маски легонько яичко собью, ну туда еще меда ложечку да маслица подсолнечного… Такого нет?

Мария Игоревна поджала губы и огорченно покачала головой:

– На дворе двадцать первый век, а вы по старинке на лицо всякую ерунду мажете – маслице, яичко… Ты еще скажи – рыбу жареную! Давайте-ка привыкать к новому. Сейчас я вас намажу этой прелестью. Пользуйтесь, девчонки, пока бесплатно. Ну, кто первый?

– Люся! – бодро вскочила Василиса и вытолкнула подругу вперед. – Пусть она прихорашивается, а мы уж так, по старинке, жареной ры… тьфу ты… маслицем подсолнечным обойдемся.

Люся тоже не планировала истязать лицо, но Маша решительно взялась за ее голову, усадив подружку на стул, и пришлось той смириться. Мария Игоревна колдовала над лицом подруги, точно матерая волшебница. Через два часа она наконец разогнулась и довольно прошептала:

– Все, иди умывайся.

Люся тихонько поплелась в ванную, боясь случайно увидеть себя в зеркале. Маша не соврала – морщины действительно исчезли. Однако теперь щеки Люси напоминали кисть рябины – были такие же багряные и в пупырышках.

– Ой, Маш! А чего это у меня все лицо в прыщах? – испуганно протянула Люся после умывания.

– Га-га-га! – заржали мальчишки, не удержавшись. – Теть Люсь! Вам маманя обещала молодую кожу, так это у вас, наверное, юношеские угри.

Машенька суетливо принялась тереть щеки Люси полотенцем.

– Ничего страшного! Это даже хорошо, значит, кожа бурно реагирует.

– Ну-у-у ее на фи-и-иг, такую реакцию-у-у, – завсхлипывала Люся. – Это теперь точно до старости не заживе-е-ет.

– Вот что, Маня! Делай и мне ножки этой самой… Клеопатры. Не одной же Люсе таким безобразием мучиться,– храбро предложила Василиса.

Мария Игоревна снова принялась ковыряться в сумке и вытащила на свет еще одну партию тюбиков.

– Ой, девчонки! Я же тюбики перепутала! Я тебе, Люсенька, наложила на лицо крем для ног.

– Вот, я так и знала! – взвилась подруга. – Теперь у меня щеки, как подошва будут. Не нужна нам такая косметика! Ты уж, Машенька, сначала как следует разберись со своими препаратами, а то ведь так и до кончины недалеко… Я имею в виду твою преждевременную кончину.

– Так вот я и разбираюсь, для начала на своих близких… Ладно, Люсь, не переживай, я тебе в качестве компенсации помаду подарю. Честное слово, замечательная вещь, сама такой пользуюсь. Ну, чего ты боишься? Смотри! – И Маша принялась щедро малевать свои губы яркой помадой.

После этого мир среди подруг восстановился, и дамы, отправив Машиных парнишек домой, чинно подались на кухню. На стол тут же было выставлено нехитрое угощение, а в довершение к нему Маша вытащила из сумки маленькую бутылочку коньяка.

– Вот, девчонки, чтобы язык развязался. Я ведь к вам с горем.

Подруги вытаращили глаза, а Маша, всхлипывая, принялась делиться.

– Старшенький-то мой, Гришка, чего выдумал! С девочкой он дружит. Давно, уже месяца три. Вроде хорошая девчонка… была. Мариной зовут. Как меня встретит, все говорила: «Мы с Гришей задачки решаем» или «У нас с английским загвоздка. Русским балуемся!». Ну и прочую ахинею несет. А я, как китайская кукла, только башкой кивала да улыбалась. А тут, представляете, на работе что-то сердчишко прихватило, меня начальник мой быстренько домой спровадил. Пришла, прилегла в спальне. И вот слышу, Гриша со школы вернулся, да не один, с Мариной. Меня-то они не видели, думали, что одни в доме. Ну она ему и говорит:

– Гриш, а ты бы кого хотел? Мальчика или девочку?

А Гришка на полном серьезе отвечает:

– Мальчика, конечно. С ними проще.

– Вот и я мальчика хочу. Значит, так и порешим – если мальчик, оставляем, а от девочки отказываемся. Я уже и семью нашла, которая девочку с радостью возьмет…

Тут уж я не выдержала, заворочалась. Гриша прибежал:

– Маманя, тебе нехорошо? Сейчас «Скорую» вызовем!

И Маринка рядом крутится. Вот поверите или нет, не смогла я им сказать, что разговор их слышала. А теперь себе места не нахожу. Это что же получается – у них скоро кто-то должен народиться?

– Ну и чего ты испугалась? Станешь бабушкой, – утешила Василиса.

– С ума сошла! Гришке-то едва четырнадцать исполнилось. И Маринка с ним в одном классе. Тоже мне – родители! Да и потом, как они о дите-то говорили… Если, мол, мальчик, то они его себе заберут, а если девочка, то уже и семью приемную приглядели… Ой, девоньки, просто не знаю, что делать, – снова закапала слезами Маша.

Василиса щедрой рукой плеснула еще коньяка, замахнула, точно пила не благородный напиток, а высокомерзостную бурду из ближайшего ларька, и нахмурилась.

– А ребеночек-то скоро должен родиться?

– Кто ж его знает? Только кажется мне, что Маринка как-то округлилась… Ну, подбородок стал такой кругленький, вроде и талия расползлась…

– В общем, время у тебя есть, чтобы приготовиться, так я поняла?

– Да уж, думаю, есть. Ага, конечно, есть, они же с Гришкой ходить-то вместе только месяца три назад стали.

– Значит, будем воспитывать. Ну, считай, что ты решила к старости для себя родить. Кого это волнует, правда? Короче, не унывай, поможем! – пылко заверила Люся и налила еще стопочку.

Подруги распрощались уже поздним вечером. Люся неожиданно пригорюнилась.

– Вот ведь ты подумай, Гришка-то Машин сам еще недавно из пеленок, а уже о детях задумывается, а моя-то, безголовая… Уже тридцать ей скоро, а все, точно стрекоза, – ни тебе мужа законного, ни детей! Кого вырастила? – И Люся пустила обильную горючую слезу.

Ольга, ее единственная дочь, и в самом деле имела уже, кажется, все. Кроме законного мужа и детей. Нет, претендент на руку и сердце у нее имелся – уже лет пять она жила в гражданском браке с прекрасным человеком по имени Володя, но почему-то никак не могли они отважиться на поход в загс. А теперь и вовсе – уехала Ольга в Москву на какие-то курсы по собаководству, причем вроде бы с Володей, но каждый раз, когда звонила матери, сообщала о каких-то новых женихах. Прямо женщина легкого поведения, и только!

Догоревать Люсе не удалось – позвонили в дверь. На пороге стоял Антон Петрович, недавний новый знакомый подруг. Люся, совсем забыв, что лицо у нее только что приняло маску для пяток, кокетливо заиграла улыбкой и поправила сбившуюся прическу.

– Что это с вами? Вы больны и поэтому не могли прийти на свидание? – с придыханием спросил ухажер, пятясь к двери.

– Да, Люся больна. А вы что-то хотели? – нахохлилась Василиса. Нет, какой гад! Оказывается, он Люсеньке назначил свидание! И подруга хороша, даже не намекнула, что у них с этим Антоном Петровичем завязались отношения.

Мужичок чувствовал себя крайне неловко. Он мялся, икал и краснел, потому что явно до одури боялся заразы, глядя на покрытое прыщиками лицо Люси. И явно не мог найти благовидный предлог, чтобы покрасивей удалиться.

– Я пришел, чтобы сообщить… – пытался что-то промямлить он. – Я, знаете ли… тоже, кажется, заболеваю. Вот и пришел сообщить, чтобы вы меня не ждали, так сказать… Что-то с головой, сердчишко, прямо выпрыгивает… давление опять же…

– Так это понятно – любовь, – констатировала Василиса. – Ну, мне надо с Малышом прогуляться, я оставлю вас, пожалуй.

– Нет-нет! Мне тоже… это… надо с Малышом. Я вас провожу!

Василиса только пожала плечами. Странно, что мужичок только сейчас отметил ее шарм. Она начала собираться, а Люся все это время толкалась возле ветреного кавалера и пыталась хоть чем-то его уколоть.

– А скажите, вы чем больны? Это не венерическое? А то, знаете, с вашим постоянством…

– Нет, это… нервное, – быстренько отвечал тот и пялился на потолок.

– А цветочки, пардон, вы не мне тащили?

– Нет, я же говорю – заболел… Они маме, на могилку, купил сегодня, а то завтра не успею… – Все, я готова! – появилась в дверях раскрашенная, точно матрешка, Василиса. – Люсенька, мы недолго. А кстати, может, ты с Малышом сама погуляешь? А я провожу Антона Петровича, все же человек нездоров.

– Фигушки! Выводи давай щенка, а то он нам опять всю квартиру разуделает. А я… тут… в одиночестве допью коньяк… – прохлюпала Люся.

Напоминание о коньяке резко переменило у мужчины отношение к больной.

– Тогда я с вами! Составлю, так сказать, компанию… Ну, не выливать же коньяк, – отважно объявил он и принялся развязывать шнурки.

Однако Василиса отличалась несколько иным характером, нежели безропотная подруга.

– При вашей болезни коньяк вреден! Давайте, давайте, двигайтесь, – схватила она мужичка за ворот и суровым движением вытолкнула из квартиры. – Люсенька, закройся!

Оставшись одна, Люсенька и правда допила коньячок, затем пошарила в холодильнике и нашла еще остатки водки, а потом в ход пошел и маленький пузырек с медицинским спиртом, который подруги берегли для компрессов. К моменту, когда Василиса впорхнула в дом с букетиком, якобы предназначенным ухажером для маминой могилки, на диване сидела пьяная в зюзю Люсенька и горько рассматривала фотографии Василисы. Тут же валялись газеты с объявлениями.

Василиса, честно сказать, несколько неловко чувствовала себя после сегодняшнего своего «выступления», но Люся и не думала ее в чем-то обвинять.

– Я поняла, – обреченно проговорила Людмила Ефимовна. – Я все поняла, Вася. Нам нужен мужик в доме.

– Ты тоже так думаешь? – взмахнула жиденькими ресницами повеселевшая подруга.

– Да. Он нам просто необходим.

– Вот, я тоже так подумала. Ты знаешь, Люся, ну ни гвоздя прибить, ни картошки принести. И потом, мне кажется, он легко мог бы прогуливать Малыша. И потом, все-таки защита!

– Правильно. Поэтому тебе, Васенька, нужно сменить пол. Тебе нужно стать мужчиной! – решительно объявила Люся и стукнула кулачком по дивану.

– То есть… Ты хочешь сказать, чтобы я… того… Сделала операцию по пересадке… по смене женского пола на мужской?! Ну, ты знаешь… Да ты перепила! Чтобы я… Нет уж, сама будь мужиком!

– Ага, а как меня звать будут? Люсьен? Людмил? А тебе даже имя менять не придется… Вася, – нежно проворковала Люся и вдруг взревела: – А ты о ком мне здесь тарахтела?

Только поздно ночью Василисе удалось успокоить и уложить в кровать разбуянившуюся подругу.

На следующий день с утра пораньше, лишь только Василиса потрусила на утреннюю пробежку с Малышом, Людмила Ефимовна проснулась и попыталась подняться. Но голова ее, точно гиря, безжизненно склонилась набок. Желудок моментально подскочил к горлу, и в глазах, как в калейдоскопе, поплыли разноцветные узоры.

– Ой, мамочки, – прошептала Люся. – Это что же со мной?

Нестерпимо хотелось пить. Пройти по-человечески по квартире Люся не сумела. Ее шатало, бросало на стены и притягивало к полу.

– Так вроде лучше, – опустилась наконец она на четвереньки, прекратив борьбу с неожиданным нездоровьем.

Кот Финли с благодарностью принял новую игру хозяйки и стал резво напрыгивать ей на спину.

– Уйди, изверг! Будешь доставать – напою валерианкой, тогда посмотрим, кто из нас будет выглядеть дебильнее.

Добравшись до кухни, Люся стала что-то вспоминать. Память возвращала ей какие-то обрывки вчерашнего попоища. Было стыдно до ломоты в висках. Хотя голова вообще-то раскалывалась совсем по другой причине.

– Интересно, а что я вытворяла? Ладно, решено – вчерашнее считать недействительным. Сейчас надо позвонить этой даме… Как ее… Калерии Степановне, во! Да, позвоню ей и расспрошу хорошенько. Вася придет, а у меня для нее свежие новости. Она обрадуется и о моем недостойном поведении забудет.

Однако даже простой телефонный звонок оказался для Люси делом непростым. Тошнота, будь она… И все же бравая сыщица сумела сосредоточиться и забыть про недуг. Она уселась на пол, привалилась спиной к стене и только в такой позе набрала номер, заполученный вчера в семье бутылочного музыканта.

Трубку сняли сразу, и немолодой, но очень приятный голос пропел:

– Алло, слушаю вас.

– Здравствуйте, мне бы Калерию Степановну.

– Я у телефона.

Тошнило Люсю нещадно. Думать, кажется, было просто невозможно, но Люся снова взяла себя в руки и постаралась как можно милее проворковать в трубку:

– Калерия Степановна, вы меня совсем не знаете, но мне просто необходимо с вами переговорить. Понимаете, меняюсь я квартирами с Едякиной Аллой Титовной, и… что-то она мне доверия не внушает, вы уж извините за прямоту. Вы ничего о ней не можете мне рассказать? Может, мне подойти к вам?

– Да зачем же приходить? Можно и по телефону побеседовать. Только, боюсь, ничего интересного я вам не сообщу…. Ой! Минуточку, кто-то в дверь звонит. Перезвоните через десять минут, прошу вас… – быстро проговорила женщина и бросила трубку.

Люся воздела глаза к небу и постаралась сохранить спокойствие. Оказалось, что выждать десять минут было нетрудно, потому что легче всего ей сейчас было сидеть вот так, в одном положении, и не шевелиться. Выждав время, Люся снова набрала номер и принялась излагать Калерии Степановне свои мысли, надеясь услышать от той что нибудь интересное для расследования.

– Видите ли, мне Едякина показалась какой-то сомнительной дамочкой, страшновато с ней дело иметь. Вы не могли бы о ней хоть чуточку рассказать?

– Мне в отличие от вас она не показалась сомнительной, – ответила Калерия Степановна. – Продажу квартиры мы оформили легко. И ничего в моей памяти о ней не задержалось. Кстати, у меня имеется телефон ее подруги, у самой-то Едякиной телефона не было.

– Подруги, говорите? А как ее имя, где вы с ней встречались? – встрепенулась Люся, и тут же в голову ее будто винтился раскаленный шуруп. – Общались мы по телефону. Если вам надо, я номер скажу. Звать ту женщину Арина Николаевна Львова. А где же у меня ее телефонный номерок… Ага, вот, диктую, записывайте.

Записав номер телефона подруги Едякиной, Люся поблагодарила собеседницу и отключилась. Теперь бы с этой Львовой встретиться… Но как-нибудь так, неназойливо. И как-нибудь в другое время, сейчас уж больно мучило Люсю нездоровье.

В дверь ворвалась мокрая Василиса с Малышом. Осень сурово вступила в свои права и теперь ежедневно выливала на город тучку-другую дождя.

– Продрогла, как не знаю кто, – стуча зубами доложила Вася. – Ну как, ты отошла от вчерашнего? Это же надо было столько выпить! Ты просто самоубийца. На вот, купила тебе, может, легче станет. Выпей и ложись, отлеживайся. Ты вчера, конечно, вела себя непотребно, но и дохлая ты мне не нужна. А сейчас на тебе лица нет.

Василиса протянула подруге бутылку нарзана и настояла на постельном режиме.

– У Едякиной, оказывается, имелась близкая подруга – Львова Арина Николаевна, – слабо заговорила Люся с кровати. – Вот я и думаю, не она ли отправила Аллу Титовну на вечный покой?

– У тебя какие-то странные ассоциации сегодня – если подруга, значит непременно должна свою товарку в темном подъезде грохнуть. А то еще лучше – переделать подругу в мужика!

– Вася, не мели ерунды.

Василиса прошла в ванную, и теперь ее голос доносился уже оттуда:

– Люся, ты не представляешь, что на улице творится… Люсь! Ты не видела мой махровый халат?

– Надень тот, зелененький, ситцевый. И вылазь быстрее, надо же и правда Львовой, подруге Едякинской, позвонить.

Василиса не стала капризничать и вскоре уже названивала по нужному номеру.

– Нам, знаете ли, – щебетала она в трубку, – необходимо встретиться. Мы по поводу вашей подруги, Едякиной Аллы Титовны… Ну, это не по телефону. К какому часу к вам можно подъехать? Через часика два? Понимаю, конечно, муж уедет, и мы сможем совершенно свободно… А адрес? Хорошо, через полчаса мы будем… Ах да, конечно, ровно через два часа, нет-нет, не раньше.

Но даже и через два часа Люся не смогла восстановить пошатнувшееся здоровье. Нет, она, конечно, поднялась и даже дотащилась до прихожей, но там ноги ее подкосились, и Василиса едва успела подставить подруге свое могучее плечо.

– Так, решено – я еду одна. И с этой женщиной я собиралась поймать преступника! Не вздумай тут без меня снова напиться!

– Ва-а-асенька, – проблеяла Люся, ненавидя свой предавший ее организм. – Ва-а-ся, может, перезвоним и отложим встречу на завтра? Все-таки опасно одной тебе туда ехать. А вдруг и правда эта самая Львова прикокошила несчастную Едякину?

– Я приму меры предосторожности, – уверенно проговорила Василиса, доставая из пыльного ящика с елочными украшениями неиспользованную хлопушку. И строго предупредила: – Если придет Антон Петрович, двери не открывай. Мало ли какие у него намерения.

Василиса печально взглянула на Люсю, потом подумала минутку, приложилась губами к потному лбу подруги и вышла. Люсе сейчас полагалось рвать на себе от отчаяния волосы и заламывать руки, кляня себя, непутевую. Но самобичевания не получилось. Напротив, Людмила Ефимовна, едва дотронувшись головой до подушки, провалилась в лечащий похмелье сон.

Василиса прибыла по адресу Львовой чуть позже назначенного. А если точнее – на три минуты позже. Едва она прикоснулась к кнопке звонка, как дверь распахнулась и на пороге показалась худенькая приятная женщина лет тридцати пяти.

– Это вы мне звонили? Проходите! – весело защебетала она, приглашая гостью в комнату. – Вы хотели поговорить по поводу Аллочки? Ну что вы в дверях стоите? Проходите же.

Василиса окинула окружающую обстановку внимательным взглядом. Комната была довольно серенькой, неуютной. Хозяйка, между прочим, никак не была похожа на нищую и в квартире прямо ярким пятном смотрелась. «М-да-а, – подумала Василиса, – сама-то яркая, а вот гнездышко свое не любит. Обстановочка тут, точно в затрапезной гостинице».

– Так о чем вы хотели поговорить? – снова улыбнулась Львова, расставляя на столике чашечки с кофе. Кстати, кофе оказался неплохим, крепким, ароматным и по-настоящему вкусным. – Почему вы решили у меня про Аллу расспрашивать?

– Потому что больше не знаю, к кому обратиться. А вы, я слышала, дружили.

– А почему так печально? – снова усмехнулась Львова. – Я и сейчас с ней дружу.

Выглядела Арина Николаевна довольно легкомысленной. Василиса даже не могла себе представить, что бы было с ней, если бы, не дай бог, что-то случилось с Люсей, а эта… точно канарейка, щебечет, порхает по комнате с кофейными чашками, и никакой тебе печали! Даже неприлично! Василиса сложила губы куриной гузкой и назидательно произнесла:

– Я скорблю. Конечно, Алла Титовна немного меня… как бы это сказать… немного меня надула… на двадцать тысяч, но все равно, мне жаль человека!

– А что такое?– удивилась Львова.

– Ну как же что! Вы разве не в курсе? Алла Титовна погибла! Ее застрелили! – воскликнула Василиса.

– И когда это успели? Она же вот только что от меня убежала! – вскочила с кресла Львова.

Василиса пристально пригляделась к собеседнице.

– Как это только что от вас убежала? Ее убили уже неделю назад.

– А! Вы так шутите, да? – рассмеялась вдруг женщина, чем разозлила Василису окончательно.

– Нет, не да! – хлопнула по столу ладошкой разъяренная Василиса. – Какие уж тут шутки, если я сама лично на ее трупе сидела. Вот этой самой задни… простите.

– Хочу вас заверить, что вы ошиблись, – по-прежнему без капли волнения заявила Львова. – Алла действительно только что была у меня, и, если бы я знала, что вы придете ко мне говорить о ее смерти, непременно бы ее задержала. Думаю, о таких вещах вам лучше поговорить с ней самой.

– Хорошо, я знаю, где она проживает. Сейчас же заеду к ней, – попыталась Василиса поймать своего собеседника на вранье.

– Зачем же ждать? – ухмыльнулась та и быстренько нажала на кнопочки телефона. – Алло, Аллочка? Это Ариша…. Я понимаю, что у тебя сотовый и деньги капают, но тут ко мне ворвалась неизвестная особа, которая утверждает, что ты свое отжила…. Да нет, она говорит, что тебя застрелили… Вот ты ей сама это скажи!

И Львова поднесла к уху Василисы трубку.

– Алло! – донесся до нее чуть грубоватый голос. – В чем дело? Кто вы?

– Я – Василиса Олеговна. Помните, вы мне ремни свои спихнули, а потом еще к нам с подругой домой приходили? А потом вас убили в нашем подъезде… – растерянно заговорила Василиса.

– Что ремни спихнула, помню, что к вам приходила – тоже. А вот убивать меня никто не убивал. Вы что, свихнулись?

– Ну как же… Я еще случайно на ваш труп села, помните?

– Издеваетесь?! Когда это вы на моем трупе сидели? Слушайте, не морочьте мне голову!

– Подождите, не кладите трубку! – разволновавшись от совершенно непонятного поворота дела, закричала Василиса. – Нам надо обязательно поговорить. Когда к вам можно заехать?

В трубке какое-то время помолчали, потом голос зазвучал снова:

– Сейчас меня в городе нет. Разве вам Арина не сказала? Так вот, у нее в воскресенье день рождения, и я буду непременно. Приходите и вы.

– Во сколько? – крикнула в трубку Василиса, но телефон уже исходил короткими гудками. Львова сидела с презрительной ухмылкой на лице и покачивала ножкой.

– Ну? Что вам сказал труп?

– Он сказал, что у вас в воскресенье день рождения. Просил, чтобы я пришла. Вы не против? Я ненадолго, мне же только с Едякиной переговорить.

– Ну что ж, если иначе от вас не отвяжешься, приходите. К трем часам, не забудете? – вздохнула хозяйка квартиры и поднялась, показывая тем, что аудиенция закончена.

Домой Василиса вернулась сама не своя. Она ничего не понимала. Ну хорошо, она могла ошибиться, но милиция! Они ведь совершенно точно установили, что Едякина Алла Титовна скончалась от пулевого ранения в голову. И соседка ее по квартире… Правда, она не говорила ничего точно, но ясно выразилась: с Едякиной что-то такое случилось, смертельное. Но тогда с кем же сейчас говорила Василиса по телефону?

Люся к моменту возвращения подруги чувствовала себя заметно лучше. Она даже успела приготовить ужин и теперь что-то напевала, громыхая кастрюлями.

– Васенька! Немедленно иди к столу. У нас сегодня фаршированные перцы. Вась, а ты чего такая? Тебя кто-то напугал? Вон, ты вся трясешься, прямо как овечий хвост.

– Люся. Я должна тебе сообщить пренеприятное известие – Едякина жива. Ее никто не убивал.

Люся выронила из рук тарелку.

– А… А почему это известие пренеприятное?

– Потому что тогда получается, что я сошла с ума. Люся! Я же сидела на ней! На мертвой, между прочим!

– Успокойся, никто не спорит. Ну сидела и сидела. Кушай вот перчик.

– Какой, к черту, перчик! Что ты мне рот затыкаешь своим перчиком? Ты мне не веришь? Вот, хорошо, в воскресенье у Львовой, у подружки нашего трупа, день рождения. Вместе на него и пойдем.

– А нас что, уже пригласили?

– Ага, сама Едякина. Так что готовь праздничный наряд. А еще лучше – сценарий! Мы с тобой что будем петь – заздравную или поминальную? – продолжала нервничать Василиса.

Не успела она договорить, как в лицо ей плеснулась целая кастрюля холодной воды.

– Так оно, Вася, лучше будет. Быстрее в себя придешь, – опасливо попятилась после своего неожиданного выпада Люся, сжимая посуду в руке.

Вася и в самом деле истерику прекратила, но так прищурила глаза, что стало понятно – теперь пощады Люсе не будет. И точно, как только раздался телефонный звонок, Василиса шустро подскочила к аппарату и защебетала в трубку:

– Да-да, Оленька, мама дома. Ну, как там Москва? Как погода? Что ты сейчас носишь? А вы ходили в театры? На какие постановки?

Понятно, что звонила дочь Люси, но Василиса подзывать к телефону подругу не спешила. В знак протеста. «Она специально, что ли? Знает ведь, что по междугородному каждая минута на счету! Сейчас еще попросит пересказать весь спектакль», – подумала Людмила Ефимовна, несясь к телефону. Но та нарочно повернулась к ней спиной и увлеченно рассказывала Ольге, какую замечательную книгу ей посчастливилось купить, похоже, настроенная сообщить ее краткое содержание.

– Позволь-ка, – мягко отстранила подругу Люся и отобрала трубку.

– Мамочка! У меня для тебя удивительная новость! Я выхожу замуж! – кричала Ольга в трубку.

Дочь находилась вдали от родного города всего несколько месяцев, но каждую неделю она исправно звонила матери с радостным сообщением о том, что выходит замуж. Женихи находились всякий раз разные, но сам факт новизной уже не удивлял. Поэтому Люся реагировала спокойно:

– Ну это понятно. А что-нибудь действительно новенькое у вас там есть? Как твое….

– Мама, ты не поняла! Я выхожу замуж за Володю. Мы уже решили! В конце месяца мы возвращаемся домой и сразу идем подавать заявление. Все, прощай, холостая жизнь! Мам, вы там с теть Васей пока сценарий свадебный придумывайте, у нас с Вовчиком должна быть самая бурная свадьба, – весело протрещала дочь и отключилась.

Люся опешила. Такого она не ожидала. Ну, наконец-то! Теперь пусть только попробуют не расписаться! Да она… Она завтра же начнет закупать продукты, чтобы уж точно, чтобы все мосты сразу…

– Вася! У нас нет тоненькой тетрадочки по алгебре или там по геометрии? Ну, чтобы в клеточку, – носилась по комнате взволнованная мать.

Василиса еще не понимала, что могло так вывести подругу из себя, но предчувствовала что-то глобальное.

– А листик не пойдет?

– Листик не пойдет! Вася, тебе надо срочно садиться за сценарий. У нас Ольга с Вовчиком женятся! Ну чего ты стоишь? Чего стоишь? До свадьбы остались считаные недели, а ты столбом торчишь! Иди немедленно, бери ручку и ваяй сценарий. Черт, где же тетрадочку взять?

Люся поглупела прямо на глазах. Она уже нарезала по комнате двадцатый круг, приговаривая:

– Тетрадочка, где же взять тетрадочку…

Василиса оставила ее заниматься бегом, сама же поднялась к соседке на пятый этаж. У соседей были два школьника-сорванца – Костик и Илюша, и чистая тетрадочка в клеточку там должна была отыскаться. Однако тоненьких тетрадей у учеников не нашлось.

– Вот, возьмите эту, тут больше листов, – протянула соседка толстую тетрадь с красочной обложкой.

– Успокойся, вот нашла, – сообщила подруге Василиса, вернувшись домой. – А теперь, если можешь, не шуми, сценарий писать буду.

– Ты что?! Ты специально такую подобрала, да? Это, я понимаю, намек? – вскинулась Люся, потрясая тетрадью.

Только сейчас Василиса разглядела, что на яркой обложке лобызались… две обезьяньи морды. Чтобы не дразнить больше нервную подругу, она тихо удалилась в спальню, отобрав у нее злополучную тетрадку.

Василиса Олеговна сидела уже который час в одиночестве, погрузившись в творческий процесс, а муза ее где-то заплутала. В голову лезла отчего-то сплошная пошлятина.

– Васенька, иди блинчиков со сметанкой поешь, – появилась в дверях Люся.

Василиса зло отбросила ручку. Вот ведь, Люся так на нее надеется, а она всякую дрянь сочиняет!

– Люся, ты иди, я потом поем. Вот напишу и поем. А пока меня не за что сметанкой кормить! – вконец разозлилась на себя Василиса.

Люся неслышно удалилась, прихватив Малыша, который умудрился как-то прокрасться в спальню и теперь тихонько грыз тапки Василисы вместе с ее ногами. И все-таки как Люся ни охраняла тишину для создания сценарного свадебного шедевра, а ничего путного из-под пера у Василисы в этот вечер не вышло. Не вышло и за весь следующий день. Зато потом, когда с раннего утра Василиса Олеговна снова прилипла к тетради с обезьянами, дело наконец сдвинулось.

– Вот, читай, – радостно вырвалась она из спальни, когда сценарий был дописан. И опешила: – Ну, Люся! Ничего себе! Я пишу, стараюсь…

Люся сидела бледная, точно простокваша, и только молча тыкала рукой в светящийся экран телевизора.

– Ведется расследование… – сообщила дикторша, завершая какую-то информацию, и перешла к новостям культуры.

– Вася, ты слышала? – пролепетала Люся.

– Да как же я могла что-то слышать? Я же сценарий писала! Что произошло, ты можешь объяснить?

Люся сглотнула и послушно стала повторять слова дикторши:

– Сегодня была убита Арина Николаевна Львова, жена известного художника Остапа Львова. Женщину обнаружила горничная. По предварительному заключению смерть наступила около шести часов утра. Ведется расследование.

Василиса присела на краешек дивана.

– Сегодня у нас что?

– Суббота, – подсказала Люся.

– Ага, а завтра у нее день рождения. И мы должны были на него прийти.

– И встретиться там с Едякиной.

– Ерунда! Теперь нет никаких сомнений – Едякиной нет в живых. И Львовой теперь тоже.

– А с кем же ты по телефону разговаривала?

– Да хоть с кем! Только не с Едякиной. Люся, это мы с тобой виноваты! Мы забросили наше расследование, просто сидели и ждали воскресенья. А ведь знали, что Алла Титовна там не может появиться. И вот, пожалуйста! Преступник почувствовал безнаказанность и обнаглел.

Люся засомневалась, что преступник как-то уж сильно боялся их с Васей, но мудро решила не высказываться. Ведь и в самом деле они пустили все расследование на самотек… И вон во что все это вытекло!

– Ну и что будем делать?

– Как – что?! – вскочила Василиса. – Теперь мы с тобой ни одной минуты не должны потерять. Ты видишь, Люся, упущенное время – это подчас упущенные человеческие жизни.

Людмила Ефимовна невольно содрогнулась от ее слов, вскочила и натянула джинсы.

– Ну тогда давай собирайся быстрее! – торопила она подругу.

Но Василиса Олеговна слегка притормозила ее:

– Подожди, мне же еще краситься минут сорок! Все, я пошла в ванную, а ты пока набросай план действий.

На кой черт Василисе снова понадобился план? Было время, когда Люся ночами не спала, придумывая какие-то планы, но еще ни одного раза они по плану не действовали.

– Куда мы сейчас?

– К Львову, естественно, – проговорила Василиса тщательно намазывая тональный крем на лицо. – Надо нанести визит вдовцу и осмотреться. Кстати, уточни, откуда Львову выносить будут? Позвони в редакцию.

Люся потратила около часа на то, чтобы дозвониться до редакции. Зато потом растерянно уставилась на Василису – оказалось, что Арину Львову хоронить будут только в среду, но что самое удивительное – Львов Остап Исаевич жил вместе с супругой в коттеджном поселке, а вовсе не по тому адресу, куда ездила Василиса. Однако рассуждать над новой информацией подруги решили позже. Василиса наконец завершила макияж и вместе с Люсей выскочила за дверь.

Глава 3
К ПРЕССЕ ЗАДОМ

Достать адрес художника Львова оказалось легче, чем добраться до его дома. Остап Исаевич жил за городом, а поскольку вожделенного собственного транспортного средства у подруг до сих пор не имелось, то им нужно было как-то исхитриться, чтобы не только попасть в пункт назначения, но и благополучно вернуться назад.

– Вечно твой сынок ноги ломает в самый неподходящий момент… – ворчала Люся, идя к автобусной остановке и кутаясь в шарф от пронизывающего ветра. Она совсем не переносила холод, и ее щеки уже напоминали сизые баклажаны.

– Он всего-то первый раз ногу сломал, чего ты? И потом, Пашка мой нам не помощник, ты же сама знаешь. Слушай, давай плюнем на деньги и наймем какого-нибудь старичка. Ну не на автобусе же нам за город тащиться, в самом деле!

Люся была не против. К тому же они решили предстать перед очами Львова в образе журналисток, а тем не полагается ездить за город на общественном транспорте.

– Вася, а ведь у прессы должно быть какое-то удостоверение, – сообразила Люся.

– Прорвемся. Ты только мне подыгрывай.

Машину они нашли довольно скоро. День был хоть и субботний, но хмурый, и горожанам не хотелось никуда вылезать из теплых квартир, поэтому возле остановки выстроилась целая вереница из автомобилей различных марок.

– Куда вам, девицы-красавицы? – повернулся к ним водитель.

– Нам на Журавлиную сопку, дом девятнадцать, – выговорила Василиса нужный адрес, который Люся добыла в редакции. – Только у нас к вам просьба. Вы подождите нас, пока мы там будем, а мы с вами расплатимся. А то, сами понимаете, как нам обратно добираться…

– Понимаю, подожду. Отчего ж не уважить таких приятных девушек! – завел машину балагур. – А у вас там родственники или вы туда в гости?

– Мы по делам, – буркнула Люся и уставилась в окно. Вот чего она не могла терпеть, так это врываться в дом, где проходят поминки. А тут еще и беседовать придется.

Минут через двадцать Василиса вместе с Люсей уже стояли перед каменным забором. Вся их прежняя решимость куда-то улетучилась, и больше всего на свете подругам сейчас хотелось вернуться к Финли и Малышу.

– Ну, чего примерзли? Вон звонок-то, видите, на калитке прибит! – крикнул из окошка машины их водитель.

– Давай звони, – толкнула подругу Василиса.

Люся позвонила, вычурная калитка отворилась, и перед подругами возникла молодая, строгая на вид женщина.

– Вы к кому? – почти не двигая губами, спросила она.

– Мы к Львову. Журнал «Золотое наследие», – попробовала так же не разжимать рта Василиса.

– Вы к Остапу Исаевичу записаны? – не меняя интонации, вновь поинтересовалась молодая особа.

– Это Остап Исаевич у нас записан! – обнаглела Василиса и, плюнув на правила приличия, промаршировала во двор, отодвинув плечом особу, задававшую слишком много вопросов. Люся потрусила следом, согнувшись в три погибели. Идти к Львову ей не хотелось совсем.

Девушка даже не успела спросить у «журналисток» документы. Она, как бы спохватившись, что осталось в хвосте процессии, важно вздернула голову и вырвалась вперед, указывая посетительницам дорогу.

Дом у Львова был шикарный. Конечно, подруги не могли увидеть все комнаты, но и те, через которые они прошествовали, поражали необычностью и роскошью. Правда, в жилище художника почему-то вовсе не наблюдалось картин, но зато на каждом шагу торчали огромные статуи девушек, молодых людей, зверей и прочей нечисти.

Самого Львова они нашли в огромной каминной. Он сидел прямо на полу, а перед ним возвышались различные бутылки. В шаге от вдовца расположились два огромных пятнистых дога, тщательно делавших вид, что спят.

– Странно, как это нас к нему допустили? Человек в таком состоянии… – прошептала Люся, но Василиса грубо одернула ее, и та примолкла.

– Остап Исаевич. К вам дамы из «Золотого наследия», – почтительно объявила провожатая и неслышно удалилась.

Подруги остались с художником наедине. Конечно, если не брать в расчет собак. Остап Исаевич, похоже, даже не замечал их присутствия, так же смотрел на огонь и потягивал из круглого бокала красное вино.

– Ну? – спросил наконец хозяин, не поворачивая головы. – Чего пришли? Падалью запахло? Решили жареных фактов в газетенку тиснуть? Будто бы из первых рук?

– Если вам очень больно, мы можем поговорить позже, – тут же повернулась к выходу Люся, но Василиса рванула ее назад, схватив за подол с таким остервенением, что та едва устояла на скользком паркете. У спящих собак уши немедленно вскочили домиком, однако глаза не открылись.

– Понимаете, у нас такая работа, – печально проговорила Василиса, не выпуская подол Люсиного платья.

Подол задрался неприлично высоко, и Людмила Ефимовна начала переминаться с ноги на ногу от стеснения. Ей очень захотелось прижаться вон к той скульптурной композиции, которая наверняка называлась «Девушка с кошелкой», чтобы не мозолить глаза несчастному художнику.

– Нет! Не понимаю! – взорвался Остап Исаевич. – Не понимаю, что это за работа такая, влезать человеку в душу в сапогах. Я не знаю такой работы!

– Ага… мы попозже… – снова пробормотала Люся и вырвала наконец свое платье из цепкой руки подруги.

Ее резкие движения принудили пятнистых собак подняться. Сначала одна, а затем и другая псина, не торопясь, приблизились к посетительницам и задержались у ног Людмилы Ефимовны. Та, видимо, больше времени проводила с Малышом, и от нее поэтому исходил особенный запах. Дог, который побольше, внимательно обнюхал ноги женщины и принялся их нализывать. К нему тут же присоединился товарищ.

– Ма-а-а-ма…. – тихонько заскулила Люся, боясь шелохнуться.

– Да не бойтесь вы их, – отмахнулся художник и снова уставился на огонь. – Они не кусаются.

– Ага… зато залижут до смерти… – продолжала дрожать женщина.

– Аргус, Марс! Ко мне!

Собаки с вялым удивлением оглянулись на хозяина, и потом тот дог, который побольше, придвинулся поближе к Люсе, поднял заднюю ножку и… В общем, Малыш делает это под кустом.

– Да вы не бойтесь, я же говорю – он не укусит, – в горести проговорил художник, не поворачивая головы.

– Между прочим, ваш кобель только что оскорбил мою подругу, – постаралась тихонько возмутиться Василиса. – И вам, как интеллигентному человеку, надо предложить ей раздеться.

– А потом я должен буду на ней жениться? Как порядочный человек… – усмехнулся Остап Исаевич и наконец оглянулся на гостей.

Со зрением у мужчины все было в порядке, и он сразу заметил влажность многострадального Люсиного подола. Художник несколько смущенно вскочил, засуетился и накинулся на пса:

– Марс! Негодяй! Что ж ты мою фамилию позоришь? Раздевайтесь, женщина, сейчас я найду что-нибудь…

– Вполне достаточно будет вашего халата, – довольно проскрипела Василиса и вытолкнула подругу вперед.

Через десять минут Люся уже сидела на полу рядом со Львовым, обряженная в длинный махровый халат. Тут же расположилась и Василиса.

– Эти псы меня всегда под кирпич подставляют, – ворчал Остап Исаевич. – Но… что ни делается… А вы, видимо, не плохие люди. Марс и Аргус за версту зло в человеке чуют.

Василиса встрепенулась:

– Ну что мы все о собаках да о собаках. Давайте лучше о вас. Мы слышали, вы большой художник. Даже ходили на ваши выставки…

– Ну хорош врать, а? – сморщился великий творец. – Какие, к черту, выставки? Я в жизни ни одной картины не намалевал. Как-то сидел вот так же, ждал свою благоверную. Она заявилась пьянющая – ни петь, ни рисовать! Ну я… Осерчал, накричал на нее, а она только хи-хи да ха-ха! Здесь, на диване, рухнула, даже до своей комнаты не смогла дотелепаться и уснула. Ну я, понятно, злой до самой печени! Схватил ее платок, он у нее красный был, шелковый, ну и углем ее намалевал. Да еще старался, чтобы пострашнее получилось. Чтобы она проснулась наутро и со стыда таксой юлила. Ни фига! Она еще спала, а ко мне братец мой, Андрище, заявился. Платок увидел и затрясся. «Ну ты, Ося, даешь! – говорит. – Такой талант скрывал! Да тут же у тебе же вылитый Санюра, босс наш! Я у тебя это покупаю! Он у меня за такой свой портрет морским коньком скакать будет!» Не знаю уж, кем там скакал тот Санюра, но на следующий день ко мне четыре заказа поступило, и все – от братков. Я было испугался, но деваться некуда, мазал углем, а они только губами трясли – ах, необычная техника… ах, свое видение… неординарное решение… Где только слов таких нахватались? А через полгода я и сам любому, кто что-нибудь другое захотел сказать, мог рот заткнуть – мол, чихать мне, что ни фига не похоже, а я так вижу! У меня, мол, свое видение! А вы же, пресса, меня в ранг известных художников и возвели. А выставок у меня сроду не водилось. И вообще, я скульптуры больше уважаю.

– Ну вот, пресса вам всю жизнь переменила, а вы с ней даже общаться не желали, – надула губка Василиса.

– Не до прессы мне сейчас, жену у меня убили. А вы в душу, в сапогах…

– Дались вам эти сапоги! Мы, между прочим, в туфлях! – вздернулась Люся и тут же спрятала под халат потрепанную обувь. – Мы, к слову сказать, и пришли поговорить с вами о жене. Ну, сами понимаете, чтобы о ней что-то светлое написать. А то по телевизору передают – жена, мол, известного художника, а у нее же и собственное имя было, своя жизнь.

Остап Исаевич на минуту задумался, как бы решая, стоит или нет рассказывать неожиданно появившимся дамам о супруге, и отважился. И вот что рассказал.

Познакомились они давно, жили в одном дворе. Поженились. Остап работал на птицефабрике, мастером. «Курощупом», как ласково называла его Арина. Может, вся его жизнь так бы и протекала бы среди несушек, если бы братец Андрей не ударился в криминал. Сильно в его дела Остап не вмешивался, как-никак тот сам не дите, но стал замечать, что деньги

у родственничка зашевелились. Однажды Андрей ввалился к брату поздно вечером и просидел до утра, расписывая, какой Остап дурак и как здорово он мог бы жить. Короче, надо было провернуть какую-то бумажную волокиту ни фабрике, дабы отмыть деньги братков. Остап долго капризничал, пока к братьям не вышла Арина и не ударила кулаком по столу. Сделка состоялась. Пришли деньги. Ну а потом уже Остап не стал кривляться, брался за сомнительные операции с охотой и быстренько сделался богатеньким буратиной. Расцвела и Арина, хотя стала своевольной и капризной. Она вертела Остапом, как хотела. Позже Львов переделался в художника и отошел от сомнительного бизнеса. Жить бы да радоваться, но вот случилось такое горе. А без Арины ему вообще ничего, к черту, не надо! И ведь даже неизвестно, за что ее…

– Простите, а когда у вашей жены день рождения? – спросила вдруг Люся.

– День рождения? Двадцать третьего февраля он у нее. И тут Аринкин характерец проявился. Не могла она перенести, чтобы я в этот день один праздновал, даже в истинно мужской праздник умудрилась вклиниться.

Подруги переглянулись.

– А можно не совсем тактичный вопрос? – тут же встряла Василиса.

– Нельзя!

– Спасибо, – благодарно кивнула та. – Ваша жена жила с вами?

– А вы живете со своим мужем или где-то на стороне? – фыркнул Остап Исаевич.

– Я-то как раз на стороне…

– А моя жена была порядочной женщиной и по мужикам не таскалась! – сверкнул глазами Львов, и Люся всерьез испугалась, как бы присмиревшие псы не вздумали выразить хозяину солидарность. – Она жила здесь. И, несмотря на то, что у нас имелись деньги, ни у нее, ни у меня никогда не было квартиры на стороне! Знаете, сейчас каждый имущий считает своим долгом завести еще пару-тройку хат, для, так сказать, тайных утех. У нас такого не было!

Василиса обиженно изогнула спину и забросила выбившуюся прядь волос за ухо.

– Что же вы так нервничаете? Мы обязаны были задать этот вопрос! И именно потому, что сейчас все такие хаты, как вы говорите, заводят. А теперь мы напишем, что ваша супруга как раз-таки была редким исключением.

– Вот я знаю, она крепко дружила с Аллой Титовной Едякиной… – начала Люся.

– Слушайте, вы такие же, как все! – вскочил Львов. – Чего не знаете – придумываете! Зачем вы приплетаете сюда какую-то Едякину? У Арины никогда не было такой знакомой! Сейчас вы напишете черте что, а потом окажется, что Едякина – преступница со стажем, и моя жена будет опорочена!

Люсе опять захотелось домой. Что он так кричит, этот недоделанный художник?

– Вполне вероятно, что мы ошибаемся, – принялась сглаживать ситуацию Василиса. – Только вы не беспокойтесь, мы не напечатаем материал, не показав его вам. А кто же из подруг был у вашей жены?

– Да никого не было! На фига ей подруги? От них одна морока! – вскинулся Львов, и было заметно, что он даже огорчен, что гости оказались хорошими людьми и его собачки не могут кинуться на журналисток, как на дерзких хулиганов.

Больше нервировать хозяина дома подруги не осмелились. Нет, они, конечно, могли бы задать ему еще пару вопросиков, но было похоже на то, что их присутствие достало даже собак. Пришлось откланяться и посеменить к выходу.

– Халат! – напомнил Львов.

– Ах да! Отвернитесь, – скомандовала Люся.

– Ох, я вас умоляю! – невежливо хрюкнул художник.

Подруги не стали скандалить. Выбравшись из лабиринта комнат, они с облегчением вздохнули. Конечно, беседа получилась хоть и утомительной, но весьма продуктивной.

На дороге их терпеливо ожидал водитель.

– Ну как, пообщались? – улыбнулся он, засовывая сигарету в зубы.

– Ага, давайте домой.

Дома Василиса никак не могла уложить все мысли у себя в голове.

– Люся, и что же у нас получается? Погибает Едякина, мы находим через соседей Калерию Степановну, единственную женщину, кто может хоть что-то о ней сказать. Та тоже ничего не знает…

– Ну это понятно, она же просто продала потерпевшей квартиру. Кстати, с продажей никаких закавык нет. Потом Калерия дает нам номер телефона Львовой…

– Правильно. Мы позвонили… Слушай, а как же мы дозвонились? Если учесть, что Арина Львова жила с этим очумелым художником в коттедже, откуда у нее квартира, где я была? Даже если предположить, что она тайно ее купила, то не могла же она сидеть там и ждать нашего звонка.

– Это-то как раз несложно, – махнула рукой Люся и призадумалась. – Да, несложно, сейчас же у всех мобильники – мы ей звякнули, она и приехала в ту квартиру. Но вот откуда у Остапа такая уверенность, что Арина не знала Едякину? Интересно было бы узнать, что связывало жену Львова и Аллу Титовну. Только вот как это сделать?

Подруги задумались, потом на лице Людмилы Ефимовны расцвела радостная улыбка.

– Вася! Я придумала! – Люся вдруг вскочила и захлопала в ладоши. – Васенька, мы с тобой нарядимся Томом и Джерри! Я буду Джерри и стану все время от тебя убегать и хвостать тебя по морде. И после каждого раза ты – ну вроде как прозрев – будешь петь частушки. Вася… чего ты так смотришь? Это я про Олину свадьбу.

Василиса длинно шмыгнула носом и, уронив голову себе на плечо, проговорила:

– Люся у тебя мысли, точно осы, никогда не знаешь, куда тюкнут.

Весь следующий день подруги мыслили. Василиса морщила лоб и пыталась собрать логическую цепочку из того, что им известно, и рассказа Львова. За что убили его жену? В чьей квартире принимала Василису Арина Николаевна? И почему она так бессовестно пригласила Василису на день рождения в воскресенье, если родилась поздней зимой? Да еще и обещала устроить встречу с усопшей Едякиной? Как ни крути, а у обеих появились смутные подозрения, что убийство несчастной Львовой как-то связано с ними, двумя самодеятельными сыщицами.

– Вася! Оглохла, что ли?! – дернула подругу Люся. Мысли ее опять перескочили на другие. – Я считаю, что вот здесь как-то не смешно получается. Ну к чему тебе переодеваться в аиста, да еще и садиться на руки к родственникам Вовчика? Тебя все равно никто не удержит. И, знаешь, я вот что придумала: мы в качестве свадебных сувениров будем раздавать всем гостям те ремни, которые ты домой приперла…

– Люся! Ты не о том думаешь! – вредничала Василиса. – Нам надо найти убийцу! Неужели ты сможешь спокойно веселиться, зная, что преступник ходит ненаказанный?

– А то мало этих преступников ненаказанными ходят. Что ж теперь, и свадьбы запретить? Моя дочь, между прочим, и так до тридцати лет не расписывалась, все ждала, когда в стране преступность искоренят! А я считаю… – все больше переходила на крик Люся, – что в пику преступности мы должны встречаться, жениться и назло врагам плодиться и размножаться!

Неизвестно, до чего дошли бы буйные дебаты подруг, если бы в дверь не позвонили.

– Девочки, это опять я, – появилась на пороге Машенька. – Вася, выручай, мы ведь к тебе. Совсем не знаю, как мальчишке в голову хоть кусок географии затолкать!

В далеком прошлом, когда сыну Павлику было года четыре, Василиса Олеговна какое-то время работала техничкой в школе – мыла полы в классах, убирала туалеты и терла окна, – и потому все ее подруги считали, что она ближе всех находится к педагогике. Сама Василиса тоже была убеждена в том же.

– Учим с ним, учим, а в дневнике уже четырнадцать двоек. И это только по одному предмету! Вот ты скажи, Василиса, может у ребенка быть четырнадцать двоек по географии, если у них было всего пять уроков? – возмущалась Машенька.

– Ладно, Маша, не переживай, – защебетала Люся. – Оставим Тему с Василисой заниматься, а сами устроимся на кухне. Ты знаешь, у меня такие новости, ты упадешь! Нет, Машенька, не спорь, ты обязательно упадешь!

Василиса расположилась с мальчиком за столом.

– Ты учебник принес? – строго свела она брови к переносице, изображая учительницу. – Так, какая у нас тема? Эта? Сиди здесь, учи, я через десять минут буду тебя спрашивать.

Василиса оставила мальчишку, а сама присоединилась к подругам. Конечно, они говорили о предстоящей свадьбе.

– Люся, – взахлеб делилась советами Машенька, – а еще можно приготовить, знаешь, такой салат: отвариваешь рис, потом туда кладешь изюм…

– Это кутья, что ли?! – вытаращилась Василиса.

– Вася, иди занимайся с ребенком, вечно ты со своим черным юмором! – вскинулась Людмила Ефимовна.

Василиса пожала плечами. Ради бога, если на свадьбе дочери Люсеньке хочется блеснуть поминальным меню…

– Ну, что ты тут вычитал? – вернулась она к ученику и взяла в руки учебник. – Пересказывай.

Мальчишка уставился в стенку и принялся монотонно бубнить:

– Ну, значит, об Индии впервые рассказал Пеле… и еще о китайцах тоже. А потом… потом греческий ученый Эротоман определил ее размеры… это… по меридиану.

– Что-то я не помню такого ученого… – засомневалась Василиса.

– Так учить надо было вовремя, – укоризненно покачал головой Тема.

Василиса заглянула в книгу.

– Сам ты Эротоман! Эратосфен! И не Пеле, а Поло. Марко Поло!

– Ну надо же, а я думал в книге опечатка, – по– взрослому всплеснул руками мальчишка и принялся снова бубнить.

Дальше Василиса его уже не слушала: она опять полностью погрузилась в мысли о Львовой. Нет, надо сегодня же сходить в ту квартиру. А что? Адрес Василиса помнит. Ну нельзя же просто сидеть на диване и ломать голову – почему? Надо и ногами работать. Люсе, понятное дело, сейчас не до того, поэтому придется ей самой заняться расследованием вплотную. Кстати, и время сейчас еще не позднее.

– Ну что, выучили? Вот и замечательно, – проворковала Машенька и потянулась к выходу. – Тема, пойдем.

Василиса уже не могла дождаться, когда гости уйдут, чтобы выскользнуть из дома незамеченной. Однако оставалась еще одна мелочь – Люся. Она никуда не собиралась и планировала, по-видимому, опять истязать Василису Олеговну свадебным сценарием.

– Люсенька, сходи, проводи Машу с мальчиком. Заодно и с Малышом прогуляешься, – медовым голосом предложила Василиса.

Люся на самом деле мечтала посидеть над тетрадочкой с обезьяньими мордами, поэтому к предложению отнеслась без особого пыла. Но щенка надо было выгулять, и Людмила Ефимовна, кряхтя, залезла в джинсы.

Машенька проживала недалеко, и проводы не затянулись. К тому же на город уже плавно опустился вечер, и подруга не стала задерживать Люсю. Возвращались Людмила Ефимовна с Малышом хорошо знакомой дорогой.

– Смотри, Малыш, вон уже и листики опали… – в приступе лирики мечтательно рассказывала хозяйка щенку, высоко задирая голову. – Скоро и предатели-утки эмигрируют. Вот, ты знаешь, меня просто до глубины души обижает…

И тут она заметила едущую по улице машину. Вернее, сам автомобиль было видно плохо, в глаза ей слепили фары. Людмилу Ефимовну охватила тревога. Она даже сама не могла бы объяснить, почему вид мчащейся машины привел ее в ужас. Водители уже давно не скромничали на дорогах, особенно по вечерам, и скорость ограничивали весьма редко, кого этим удивишь. Но эти фары неслись по ее, Люсину, душу, она знала! Люся оглянулась. Так, знакомое место – хилые деревца, чахлые кустики, разве за них спрячешься? Вон там стройка… На стройке можно спрятаться, но успеет ли она добежать, чай, не девочка? Ах ты ж, черт! Ведь с ней еще и Малыш… Ну ничего, он резвый, догонит ее. И Люся решилась.

– Ты еще не знаешь, какую я скорость могу развивать! Прямо как самолет! – фыркнула она, презрительно глянув на стремительно приближавшуюся машину.

И Люся рванула. Туда, на стройку. Никогда в жизни она не скакала так ретиво, никогда ее ноги не мелькали, будто велосипедные спицы. Куда там бедному собачьему ребенку, за ней и машина-то едва поспевала. И все-таки расстояние между Люсей и фарами неумолимо сокращалось. Еще быстрее! Еще рывок! А теперь…

Внезапно почва ушла из-под ног, и Людмила Ефимовна с тихим писком рухнула в черную дыру. Вот и ладно. Теперь дыра была ее спасением. Темнота надежно ее укрывала, но на всякий случай Люся придвинулась ближе к стене, затаила дыхание и прислушалась. Где-то наверху, совсем близко, раздались шаги, шуршание опавшей листвы и негромкие мужские голоса.

– Куда она сиганула, ты не видел?

– Да хрен ее знает. Неслась, прямо как ящерица. Вот ведь до чего жить хочет!

– Но куда она могла испариться? Ух ты, смотри, какой котлован!

По яме метнулся луч фонарика, и Люся вжалась в песок, в стену.

– Нет никого… Во, глянь! Еще одна яма… с гудроном… Ух, мать твою! Видишь, на гудроне круги… – раздался испуганный голос.

– Ты думаешь, она там? – послышался сдавленный шепот.

– А теперь уже некогда думать! Прыгай в тачку! Мотаем отсюда, а то, не дай бог, кто нас тут увидит…

Послышалось шуршание автомобильных шин, и наступила тишина. Люся перевела дыхание. А потом вдруг ее осенила странная мысль – круги на яме с гудроном… Так и есть, ее догнал-таки несчастный Малыш! Догнал и поплатился за это жизнью…

Далеко на небе холодно мерцали звезды, прохожих потряхивало от вечерней прохлады. А в стороне от людских тропинок, в глубоком строительном котловане сидела несчастная хрупкая женщина и даже не пыталась выбраться из него, позвать на помощь. Женщина горько плакала по маленькому другу, который из последних сил бежал за ней следом и погиб такой ужасной смертью…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.